

Современное
состояние и перспективы
русской японистики

Симпозиум 2006

ISBN 978-5-8602-0260-5

9785806 202605 >

Современное
состояние и перспективы
русской японистики

Симпозиум 2006

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАТАЛИС»
2007

УДК [33+81+94](520)(063)"1995/2005"
ББК 65.9(5Япо)я431+63.3(5Япо)63я431+81.2я431
С56

Издание осуществлено при поддержке Японского фонда

С56 Современное состояние и перспективы российской японистики : симпозиум 2006. — М. : Рос. ассоц. японоведов : Наталис, 2007. — 80 с. — ISBN 978-5-8062-0260-5.
Агентство СІР РГБ

В сборнике публикуются материалы симпозиума «Современное состояние и перспективы российской японистики», состоявшегося 13 февраля 2006 г.

Публикация материалов симпозиума, осуществленная при поддержке Японского фонда, имеет своей целью доведение до сведения широких кругов японистов той тематики, которая обсуждалась на симпозиуме, что должно послужить консолидации усилий для дальнейшего развития японоведения в России.

УДК [33+81+94](520)(063)"1995/2005"
ББК 65.9(5Япо)я431+63.3(5Япо)63я431+81.2я431

ISBN 978-5-8062-0260-5

© Российская Ассоциация Японоведов, 2007

Введение

13 февраля 2006 г. состоялся симпозиум «Современное состояние и перспективы российской японистики». Он был проведен усилиями Японского фонда, посольства Японии в Российской Федерации, Российской Ассоциации Японоведов и Российского государственного гуманитарного университета. Целью симпозиума являлась «инвентаризация» достижений отечественной японистики, выяснение ее проблем, определение задач на будущее, выяснение тех способов, с помощью которых деятельность Японского Фонда была бы наиболее эффективна. Докладчики из разных центров России проанализировали состояние японистики с дисциплинарной и региональной точек зрения. Отмечая бесспорные достижения, они констатировали и серьезные проблемы (как научные, так и организационные), перед которыми сталкивается научное сообщество. Все выступавшие отмечали ту чрезвычайно положительную роль, которую играет Японский Фонд в деле развития изучения Японии в России. После выступлений развернулась плодотворная дискуссия, которая наметила некоторые пути для решения имеющихся проблем. Публикация материалов симпозиума, осуществленная при поддержке Японского фонда, имеет своей целью доведение до сведения широких кругов японистов той тематики, которая обсуждалась на симпозиуме, что должно послужить консолидации усилий для дальнейшего развития японоведения в России.

Председатель Российской
Ассоциации Японоведов
А. Н. Мецгерков

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. К. Симонова-Гудзенко. Состояние исследований по истории и культуре Японии (1995–2005 гг.)</i>	5
<i>Е. М. Дьяконова. Японская филология в постсоветском мире</i>	14
<i>В. Б. Рамзес. Японская экономика и ее исследования</i>	24
<i>Э. В. Молодякова. Изучение основных проблем современной Японии и их перспективы</i>	34
<i>В. И. Подлесская. Состояние и перспективы исследований по лингвистике</i>	40
<i>В. В. Кожевников. Японоведение во Владивостоке: современное состояние и перспективы развития</i>	45
<i>Ю. С. Пестушко. Японистика в Хабаровске</i>	51
<i>Е. А. Иконникова. Общий обзор состояния японистики в Сахалинском государственном университете</i>	55
<i>Е. Е. Малинина. Японистика в Новосибирске</i>	61
<i>В. Ю. Климов. Японистика в Санкт-Петербурге</i>	68
<i>Свободная дискуссия</i>	76

Е. К. Симонова-Гудзенко

ИСАА при МГУ

Состояние исследований по истории и культуре Японии (1995–2005 гг.)

В культурах Дальнего Востока не просто почитались ученость, знание, но, можно сказать, культивировалась их передача и преемственность. Предмет изучения со временем отражается на мировоззрении исследователя. Поэтому в этом коротком и, по сути, перечислительном сообщении я не буду повторять многократно упомянутые трудности, с которыми в рассматриваемый период столкнулась российская наука и японоведение, как часть её, а расскажу о «сохранении преемственности вопреки». Основное внимание будет уделено вышедшим книгам, а многочисленные статьи, кроме тематических сборников, к сожалению, даже просто назвать нет возможности. Прошу извинить меня, если какие-то издания не будут названы и буду рада дополнениям.

Переводы текстов. Хорошо известны слова Марка Блока, что историк обречен иметь дело с текстами. Сложившаяся с первых лет развития российского, впрочем как и западного, японоведения, традиция перевода и комментирования письменных текстов, продолжает развиваться. Такие основополагающие тексты по древнему периоду, как «Норито. Сэммё» [Норито, 1991], «Кодзики» [Кодзики, 1993–1994], «Нихон рёики» [Нихон рёики, 1995], «Нихон сёки» [Нихон сёки, 1997] были подготовлены еще в советское время, но они были опубликованы и введены в научный оборот в 90-е гг. XX в. Начало тысячелетия ознаменовано переводом целого комплекса новых текстов, сделанных нашими исследователями. Это — «Окагами» [Окагами, 2000], «Дзинносётоки» (частичный перевод [Дзинносётоки, 2002]), «Когосюи» [Когосюи, 2002], «Сэндай кудзи хонги» (частичный перевод, [Сэндай, 2002]), «Синсэн сёдзироку» (частичный перевод, [Синсэн, 2002]), «Сёдзан энги» (частичный перевод, [Сёдзан, 2002]), «Яматохимэ-но микото сэйки» (частичный перевод, [Яматохимэ, 2002]). М. В. Грачев готовит к печати обширную «Хрестоматию исторических текстов эпохи Хэйан», в которую вошли отдельные указы из «Руйдзю сандайкяку», произведения из «Хонтё мондзуй», предисловия из сводов «Рё-но сюгэ» и «Рё-но гигэ». Это издание, хотя бы в некоторой степени, покажет богатейший корпус

исторических текстов эпохи Хэйан, которую пока мы представляем преимущественно по литературным памятникам.

В предложенном перечислении внимательный слушатель легко обнаружит преобладание текстов периодов Нара-Хэйан, т. е. древней истории Японии, что является отражением сложившейся в советский период традиции, т. е. налицо преемственность. Как справедливо охарактеризовал это явление А. Н. Мещеряков: «...классическая японистика (как и занятия древностью/средневековьем вообще) в то время была не только наукой, она была еще и разновидностью общественного дискурса и скрытой оппозиции советскому режиму и его ценностям». Однако и сегодня нам не просто уйти от этого по целому ряду объективных причин и главная, как мне кажется, коренится в накопленных специалистами знаниях по определенному периоду, да и обилию непереуказанных и неизученных текстов. Выход из создавшегося положения представляется в подготовке молодых исследователей. Так, на кафедре истории и культуры Японии ИСАА при МГУ мы стараемся преодолеть сложившийся в советский период дисбаланс внимания к определенным периодам истории и культуры Японии. Аспиранткой В. Федяниной сделан перевод текста XIII в. «Китано Тэндзин энги», над переводом важного и малоисследованного не только в российском, но и западном японоведении автобиографии Киммоти Саёндзи («Киммоти Саёндзи дзидэн») работает Н. В. Овсянников. Конечно, это — процесс не быстрый, но, тем не менее, начало работе положено.

Еще одно направление, сложившееся в отечественном японоведении, — издание тематических сборников. Подобно переводам письменных текстов в первой половине 90-х гг., продолжали выходить книги, подготовленные в предыдущие годы, к которым можно отнести сборник статей «Дискуссионные проблемы японской истории» [Дискуссионные проблемы, 1991] и «Размышления о японской истории» [Размышления, 1996].

В рассматриваемый период были изданы лишь три сборника. Таким образом, преемственность хотя и сохраняется, но развитие её замедлилось, что объясняется объективными причинами. Благополучие ученых сегодня зависит от самоэксплуатации, большинство японоведов либо преподают в нескольких вузах, либо зарабатывают переводами, либо совмещают оба рода деятельности. Времени на научные штудии практически не остается.

И все-таки увидел свет тематический сборник, посвященный средневековому японскому буддизму. В нем представлены как исследования, так и переводы текстов Кукая, Догэна, Нитирэна и Синрана [Буддийская философия, 1998].

Усилиями А. Н. Мещерякова, Н. Г. Анариной, Е. М. Дьяконовой были собраны два заслуживающих внимания сборника. В первый — «История и культура Японии» [История и культура, 2001] — вошли материалы первой одноименной конференции, ставшей ежегодной. Большая часть текстов составляют работы по древности и средневековью. Так, в этом сборнике представлены статьи по погребальному обряду могари (Е. С. Бакшеев), проблеме причин возвышения рода Фудзивара (А. Н. Мещеряков), древнеяпонскому чиновничеству (М. В. Грачев), контролю Центра над периферией в VII–VIII вв. (Е. Б. Сахарова, ИВ РАН), пространственной картине мира в «Манъёсю» (Е. К. Симонова-Гудзенко, ИСАА при МГУ), концепциям сакрального пространства в VII–XV вв. (А. М. Горбылев, ИСАА), первому посольству в Европу (Э. Г. Ким), трактату Кукая «Сёдзи дзиссоги» (Н. Н. Трубникова, журнал «Вопросы философии»), трактату Хакуина «Оратэгама» (Д. Г. Главева, Институт Дальнего Востока), статьи по режисси-моногатари (Е. М. Дьяконова, РГГУ) и живописи эпохи Муромати (Е. В. Африна) и др. Завтра большинство из присутствующих станут участниками восьмой конференции «История и культура Японии». К сожалению, издание материалов конференции не стало традицией, и это не дало возможности увидеть расширения спектра тем докладов, количества и географии участников.

В сборнике «Вещь в японской культуре» [Вещь, 2003] представлены статьи Л. М. Ермаковой («Вещь» и моно в понятиях и ритуалах), Е. К. Симоновой-Гудзенко («Вещь» в именах синтоистских богов), Е. С. Бакшеева («От войны к ритуалу. Бронзы периода Яёй»), А. Н. Мещерякова («Пожалование и подношение в официальной культуре Японии VIII века»), М. В. Торопыгиной, ИВ РАН, («Подарки, пожалования и подношения в эпоху Хэйан»), Е. М. Дьяконовой («Вещь в поэзии трехстиший (хайку)»), В. П. Мазурика, ИСАА при МГУ, («Чайная чашка и ее функции в японском чайном действе (тяноу)»), Н. С. Николаевой («Ширма — вещь и картина»), Н. Г. Анариной («Сакральная телесность японской художественной вещи»), М. В. Есиповой, Московская консерватория, («Музыкальный инструмент в традиционной культуре Японии»), Э. В. Молодяковой, ИВ РАН, («Вещь в сакральной среде»).

Коллективные монографии. Вышедшая в 1993 г. монография «Буддизм в Японии» [Буддизм, 1993] относится к категории книг, подготовленных еще в советское время. Она остается популярной и среди специалистов, и среди студентов, поскольку включает систематическое изложение истории японского буддизма и большой корпус переводов текстов. Изданный в 2002 г. двухтомник «Синто. Путь японских богов» [Синто, 2002], думается, восполнил представления о сложном многосоставном японском религиозном феномене, ликви-

дировал некоторую однобокость, возникшую при освещении лишь буддийской составляющей. В первом томе представлены исследования, во втором — переводы. Насколько мне известно, и сегодня это издание по своей полноте не имеет аналогов за пределами Японии.

В 1998 г. была издана двухтомная коллективная монография «История Японии» [История Японии, 1998], являющаяся единственным сегодня систематическим изложением истории Японии и, хотя она не имеет грифа учебника, но является им по сути. В структуре издания изначально существовала диспропорция (первый том охватывает период с палеолита до реставрации Мэйдзи, а второй — с реставрации Мэйдзи до 1998 г.), что не позволило авторам изложить древнюю и средневековую историю страны сколько-нибудь подробно. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, была написана, выдержавшая уже два издания «История древней Японии» [Мещеряков, Грачев, 2002]. Авторы, А. Н. Мещеряков и М. В. Грачев, начинают изложение с археологического периода, но свое основное внимание уделяют периоду Нара. В этой своей части данная работа представляет собой наиболее полное изложение истории эпохи Нара на европейских языках.

Процесс становления японской культуры нового времени пришедшийся на конец XIX — начало XX веков нашел отражение на страницах монографии Л. Д. Гришелевой и Н. И. Чегодарь [Японская культура, 1998].

Исследования. Монография Л. М. Ермаковой «Речи богов и песни людей» [Ермакова, 1995] является одной из лучших в отечественной японистике. Она написана на стыке разных гуманитарных дисциплин: истории, мифологии, литературоведения, религиоведения, этнографии, языкознания. В этой книге прослеживается сложный процесс перехода от ритуально-мифологического осмысления мира к литературному (поэтическому).

Хотелось бы особо выделить исследования безвременно ушедшего А. Н. Игнатовича. С 1998 г. вышли в свет три фундаментальных издания: комментированный перевод «Сутры лотоса» [Сутра, 1998], монографии, посвященные чайному действу [Чайное действо, 1996] и школе Нитирэна [Школа Нитирэна, 2002]. В буддологических исследованиях можно говорить не просто о преемственности, а о сложившейся традиции. Н. Н. Трубникова, ученица А. Н. Игнатовича, сохраняет в своих работах фундаментальность подходов и преданность теме. Основное внимание она уделяет исследованиям трудов Кукая (Кобо-дайси). Одна ее монография [Трубникова, 2000], сопровождаемая переводом некоторых сочинений Кукая («Бэнкэммицу никёрон», «Сокусин дзёбуцуги», «Хидзо хояку», «Ханья сингё хикэн»), другая представляет собой комментированный перевод «Сангосиики» [Трубникова, 2005].

Труды Кукая известны отечественному читателю также в переводах А. Фесюна [Фесюн, 1999]. Часть текстов совпадает с переводами Н. Н. Трубниковой. Думается, что создание нескольких переводов одних и тех же текстов, особенно философского содержания, создают почву для размышления и дискуссий, столь необходимых для развития науки. Переводы произведений Догэна в исполнении А. Г. Фесюна представлены в книге [Догэн, 2002]. Над наследием Рэннё плодотворно работает В. Климов (СПбГУ).

К списку буддологических исследований следует добавить уже упомянутый сборник по средневековому японскому буддизму.

Если в советское время исследования по археологии Японии были довольно систематическими, то сейчас такие работы практически отсутствуют. Подобное нарушение преемственности вызывает сожаление, поскольку в Японии в этой области исторической науки достигнут огромный прогресс. Вышедшую малым тиражом работу С. В. Лаптева [Лаптев, 2003] трудно назвать удовлетворительной, поскольку она, в основном, опирается на данные 60–70 гг. прошлого века. И все же, С. В. Лаптев — единственный на сегодняшний день специалист, профессионально занимающийся археологическими проблемами Японии.

Из работ по средневековой истории можно назвать только «Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма» А. А. Толстогузова (университет Хиросима), которая посвящена, в основном, образованию и функционированию сёгуната Камакура [Толстогузов, 1995].

Одному из интереснейших периодов в истории Японии — периоду Токугава — посвящена монография Н. Ф. Лещенко «Япония в эпоху Токугава» [Лещенко, 1999] и исследование законодательных установлений этой эпохи А. В. Филиппова [Филиппов, 1998].

Один из важнейших рубежных периодов истории Японии — реставрация Мэйдзи — нашел отражение в монографиях В. Э. Молодякова «Консервативная революция в Японии» [Молодяков, 1999] и Е. В. Верисоцкой «Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи» [Верисоцкая, 2005]. Надеюсь, что уже скоро мы сможем прочитать исследование А. Н. Мещерякова, посвященное императору Мэйдзи.

Заслуживают внимания монографии, посвященные некоторым специальным темам исторического знания. К ним я бы отнесла книгу Д. Г. Главевой «Традиционная японская культура» [Главева, 2003]. Это исследование посвящено семантике взгляда в истории японской культуры, прослеживается постепенное превращение зрения культуры из «дальнозоркого» (эпоха Нара) в «близорукое» (период Хэйан) и даже «внутреннее» (на примере концепции «найкан» у Хакуина).

Две работы А. Ф. Прасола представляют собой систематическое изложение истории системы образования в Японии с VIII по десятые годы XX веков [Прасол, 2001, 2002].

Недавно вышедшая монография Е. К. Симоновой-Гудзенко [Симонова-Гудзенко, 2005], думается, хотя бы в некоторой степени восстанавливает прерванную преемственность исследований исторической географии Японии, области чрезвычайно почитаемой японскими исследователями.

В 1996 г. вышла прекрасно иллюстрированная монография Н. С. Николаевой «Япония — Европа. Диалог в искусстве» [Николаева, 1996], которая, как представляется, восстановила прерванную преемственность исследований важнейшей проблемы «диалога культур». Книга очерков А. Н. Мещерякова о японских обычаях, сопровождающаяся текстами европейских путешественников, добавляет информации и красок в представления культур друг о друге [Мещеряков, 1999]. В книге «Вести о Япон-острове в стародавней России и другое» [Ермакова, 2005] Л. М. Ермакова предлагает интереснейший материал об изменениях образа Японии в письменной русской культуре XVII-XX вв.

В рассматриваемое время появилось новое направление исследований — сравнительное, которое открывает монография А. Н. Мещерякова «Японский император и русский царь», посвященная сравнительному функциональному анализу института верховной власти в древней Японии и России [Мещеряков, 2004]. Книга состоит из исследования и корпуса японских и русских текстов, позволяющих судить об особенностях устройства и функционирования верховной власти в двух традициях.

Научно-популярная литература. Долгое время мне казалось, что научно-популярные исследования — это удел не столько серьезных ученых, сколько журналистов. Но в последнее время мое мнение изменилось и сегодня представляется, что эта область приложения сил также чрезвычайно важна — как для воспитания будущих поколений японистов, так и для удовлетворения интереса более широкой аудитории. Это особенно важно сейчас, когда книжные прилавки заполнены некачественными переводами с европейских языков или безграмотными творениями отечественных авторов. Приведу только один пример, изданная недавно классическая монография Вадима и Даниэль Елисеяфф «Японская цивилизация», в целом переведена с французского языка достаточно квалифицированно, но ляпы подобные «Реконструкции Мэйдзи» вместо «реставрации», «эпохи Сэйва» вместо «Сёва», «медный век» вместо «бронзовый» очень досадны.

В этой связи хотелось бы отметить несколько работ научно-популярного характера. В 1994 г. Г. Е. Светлов (Комаровский) впервые в

отечественной японистике опубликовал книгу, посвященную истории города Нара, куда вошло много сведений и о древнем периоде японской истории [Светлов, 1994]. Не знаю как другие, но эта книга мне очень помогала во время путешествий по Нара и её окрестностям.

К этому же жанру исторических путеводителей можно отнести «Киотоский альбом» М. В. Герасимовой [Герасимова, 2002].

Две работы А. А. Накорчевского, посвященные синто и буддизму, знакомят широкого читателя с важными аспектами религиозной жизни японского общества [Накорчевский, 2000, 2004].

В выбранной мной структуре доклада есть некоторое лукавство, при подобной подаче материала не столь заметны лакуны в современных исследованиях по истории и культуре Японии. А ведь и в них тоже просматривается «преемственность» — как не было работ по периодам Камакура, Муромати, Намбокутё, Сэнгоку, так их и нет. Периодам Токугава и Мэйдзи, пожалуй, в последнее время уделяется больше внимания, чем прежде. Хочется надеяться, что отечественное японоведение не только сохранит уже существующую преемственность в исследовании отдельных областей истории, но и сумеет заложить новые традиции.

Литература.

1. Буддизм в Японии. М.: Наука, 1993.
2. Буддийская философия в средневековой Японии. М.: Янус-К, 1998.
3. Верисоцкая Е. В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток: ДВГУ, 2005.
4. Вещь в японской культуре. М.: Восточная литература, 2003.
5. Герасимова М. П. Киотоский альбом. М.: ИВРАН, Крафт+, 2002.
6. Дзинносётоки (перевод Е. К. Симоновой-Гудзенко). В кн. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
7. Дискуссионные проблемы японской истории. М.: Наука, 1991.
8. Догэн. Избранные произведения. М.: Медков и братья, Серебряные нити, 2002.
9. Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. М.: Наука, 1995.
10. Л. М. Ермакова Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005.
11. Игнатович А. Н. Чайное действо. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
12. Игнатович А. Н. Школа Нитирэна. М.: СТИЛСЕРВИС, 2002.
13. История Японии. М.: ИВ РАН, 1998.

14. История и культура Японии. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001.
15. Когосю (перевод Е. К. Симоновой-Гудзенко). В кн. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
16. Кодзики. Записи о деяниях древности (перевод Е. М. Пинус, Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова). СПб.: Гиперион, 1994.
17. Книга японских обыкновений. Сост. Мещеряков А. Н. М.: Наталис, 1999.
18. Кукай. Избранные труды. Пер., ком., истор. очерк. Фесюна А. Г. М.: Серебряные нити, 1999.
19. Кукай (Кобо Дайси). Три учения указывают и направляют. Санго сики. Пер., ком., исслед. М.: изд. Савин С. А., 2005.
20. Лаптев С. В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н. э. М.: Институт практического востоковедения, 2003.
21. Лешенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: ИВРАН, 1999.
22. Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002.
23. Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. М.: Наталис, 2004.
24. Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.
25. Накорчевский А. А. Синто. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
26. Накорчевский А. А. Японский буддизм. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
27. Нихон рёики (перевод А. Н. Мещерякова). СПб.: Гиперион, 1995.
28. Нихон сёки. Анналы Японии. (перевод Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова). СПб.: Гиперион, 1997.
29. Норито. Сэммё (перевод Л. М. Ермаковой). М.: Наука, 1991.
30. Окагами (перевод Е. М. Дьяконовой). СПб.: Гиперион, 2000.
31. Прасол А. Ф. Становление образования в Японии (VIII—XIX вв.). Владивосток, 2001.
32. Прасол А. Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868—1912). Владивосток, 2002.
33. Размышления о японской истории. М., 1996.
34. Светлов Г. Е. Нара. Колыбель японской цивилизации. М.: Искусство, 1994.
35. Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII—IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М.: Восток-Запад, 2005.
36. Синсэн сёдзироку (перевод М. В. Грачева). В кн. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
37. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
38. Сёдзан энги (перевод А. М. Горбылева). В кн. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
39. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Пер., исслед., ком. Игнатовича А. Н. М.: Ладомир, 1998.
40. Сэндай кудзи хонги (перевод Е. К. Симоновой-Гудзенко). В кн. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
41. Трубникова Н. Н. «Различение учений» в японском буддизме IX в. Кукай [Кобо-Дайси] о различиях между тайным и явным учением. М.: РОССПЭН, 2000.
42. Трубникова Н. Н. Кукай (Кобо-дайси). Три учения указывают и направляют. М.: Издатель Савин С. А., 2005.
43. Филиппов А. В. «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г. Право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо. СПб., 1998.
44. Яматохимэ-но микото сэйки (перевод Л. М. Ермаковой). В кн. Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002.
45. Японская культура нового времени. Гришелева Л. Д. Чегодарь Н. И. М.: Восточная литература, 1998.

Японская филология в постсоветском мире

Основоположник отечественной японистики академик Н. И. Конрад писал в середине XX века, что «японская литература требует отношения к себе как к словесному искусству, ждет анализа, построенного на началах строго-формальных... Теперь нужен не сводный обзор, но детализированная работа над отдельными памятниками. Необходимо сверять результаты с трудами японских ученых, японская филологическая наука стоит так высоко, что дает в этой области совершенно безукоризненные продукты... Следует стремиться к построению японской поэтики, теории японского словесного искусства, и кроме того подумать о новом конструировании общей истории японской литературы».

Отметим, что и сегодня, более чем через 50 лет спустя, эти задачи полностью не выполнены.

Н. И. Конрад рассматривал японский народ как исторический индивидум, и полагал, что изучать его следует как индивидум на протяжении всей его истории. Он полагал, что история японского народа дает довольно редкий пример последовательного развития человеческого общества в силу действия главным образом одних только внутренних исторических факторов. В этом контексте японисту особенно важно постигать «внутреннее» представление японской литературы о самой себе, без чего понимание в широком смысле японской словесности невозможно.

Метод пристального чтения поэтических и прозаических текстов с помощью перевода, использованный Н. И. Конрадом в вышеназванных трудах, позволил попутно провести эпистемологические исследования, широкими мазками исчерпывающе обрисовать культурные сценарии крупнейших литературных эпох — Нара, Хэйан, Мэйдзи. Интерпретация текста в широком смысле понималась как интерпретация культуры, строгий исторический анализ, изучение фактографии сопровождалось исследованием живого контекста, без которого текст мертв.

Отдельная сфера деятельности Н. И. Конрада — это, по выражению В. В. Иванова, «прививка японских ветвей на древо русской

культуры», т. е. переводы классических произведений японской словесности: «Исэ моногатари», главы из «Гэндзи моногатари», знаменитые стихотворения из антологий «Манъёсю» и «Кокин вака сю», отрывки из средневековых феодальных эпосов XII–XIV вв. и проч. Вкупе с предисловиями, комментированный перевод этих произведений переводил их из разряда «экзотической литературы» в факты русской культуры.

С этой сферой деятельности соприкасается и особый пласт сравнительных штудий Н. И. Конрада, связанный с взаимоотношениями японской и русской литератур в контексте сравнительного изучения культуры одной страны, состоящей, по Конраду, из двух элементов: «из произведений, появившихся в данной стране, и произведений, перенесенных в эту страну из литературы других стран» с помощью перевода, пересказа или непосредственно. Первоначальные статьи Н. Конрада на эту тему позже дали жизнь целому направлению в отечественной японистике, которое может быть озаглавлено как «Диалог русской и японской литератур», куда вошли сравнительные исследования, изучение литературных связей, теория перевода, типология и т. д. Расцвет этого направления пришелся на 90-е гг. — о нем будет рассказано ниже.

По этим трем направлениям — «внутреннее постижение японской литературы» через метод пристального чтения, изучение отдельных памятников и их перевод, интерпретация текста в контексте культуры, т. е. необходимость знаний пограничных областей (истории, религий, искусства и проч.), наконец, русско-японские исследования — собственно и развивалась японистика в XX в.

Следует заметить, что ученые-японисты в советский период находились под идеологическим прессом, как и все научное сообщество, это воздействие временами ослабевало, но присутствовало постоянно. Классические дисциплины — филология, древняя история, переводы памятников — эти области находились вне интереса властей, здесь можно было обрести свободу, они не подвергались такому контролю, как современные исследования. Это были области своеобразного эскапизма, многие талантливые ученые выбрали своим поприщем именно эти сферы знания. Это была одна из причин, почему японская филология вошла в 1990-е годы со значительными успехами. С наступлением эпохи реформ положение японистики значительно ухудшилось, почти прекратилось финансирование академических институтов и университетов, многие японисты покинули Россию и обосновались в других странах (в основном, в Японии), где многие стали преподавать русский язык и литературу. В 1990-е годы очень немногие молодые люди пожелали посвятить себя научным исследованиям, выпускники университетов и институтов обра-

щались к практической деятельности, поступали на работу в японские фирмы. Знаменитая Петербургская школа востоковедения почти прекратила свое существование, количество специалистов в крупнейших московских центрах сократилось на 35 и даже 50 процентов.

Происходило это на фоне растущего интереса в России к культуре и истории Японии и роста числа высших школ, где изучался японский язык (Москва, Новосибирск, Владивосток). В Москве, например, в Российском государственном гуманитарном университете в Институте восточных культур и античности, где в контексте мировых восточных культур изучается и японская цивилизация, в прошлом году открылась кафедра Дальнего Востока, где есть специализация «японская филология»; на факультете лингвистики открылась кафедра восточных языков, где преподается японский язык. В Лингвистическом университете в Москве также открылась кафедра японского языка. Продолжают действовать центры в Институте востоковедения, кафедра японской филологии в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете — старейших востоковедных заведениях России.

Изучение японской литературы и культуры довольно уверенно развивается. Парадоксально, но в 1990-е годы, годы серьезных для России политических и экономических испытаний, сделано было удивительно много: переведены полностью или частично, откомментированы, изучены важные литературно-исторические памятники: «Кодзики» (в переводе Е. Пинус, Л. М. Ермаковой, А. Н. Мешерякова), «Нихон сёки» (перевод Л. М. Ермаковой, А. Н. Мешерякова), «Нихон рёйки» (перевод А. Н. Мешерякова), «Когосюи» (перевод Е. К. Симоновой-Гудзенко), «Гэндзи моногатари» (перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной), «Кокинсю» (перевод А. А. Долина), «Синкокинсю» (перевод И. А. Борониной), «Кагэро никки» (перевод В. Н. Горегляда), «Хогэн моногатари» (перевод В. Н. Горегляда), «Тайхэйки» (перевод В. Н. Горегляда), «Оокагами» (перевод Е. М. Дьяконовой), «Сарасина никки» (перевод И. В. Мельниковой), «Хякунин иссю» (перевод В. С. Сановича), «Уцубо моногатари» (В. Сисаури), «Торикаэбая моногатари» (перевод М. В. Торопыгиной), «Годзан бунгаку» (перевод А. Н. Кабанова), «Цуцуми тюнагон моногатари» (сразу в двух переводах — А. Н. Мешерякова и В. С. Сановича), произведения Ихара Сайкаку, Асаи Рёи (переводы Т. И. Редько-Добровольской) и прочие. Из произведений XX века в 1990-е, 2000-е гг. опубликованы сочинения Кавабата Ясунари (в переводе А. Н. Мешерякова), Акутагава Рюносукэ (в переводах В. Н. Гривнина, В. С. Сановича, Т. Редько-Добровольской), Танидзаки Дзюнъитиро (Т. Редько-Добровольской, В. Маевского, В. Сисаури), Мори

Огай (в переводе Г. Ивановой), Хигути Итиё, Ёсано Акико (в переводе Е. М. Дьяконовой), а также произведения новейших японских писателей — Банана Ёсимото (сразу в двух переводах Е. М. Дьяконовой и А. М. Кабанова), необычайно популярного сейчас в России Харуки Мураками (переводы Д. Коваленина и других молодых переводчиков) и прочих новейших писателей. Некоторые из этих изданий были поддержаны Японским фондом. В настоящее время переводчики и исследователи продолжают работу над корпусом японских классических произведений, еще не вышли из печати, но находятся в разной степени готовности: «Сёку нихонги», «Эйга моногатари» (перевод Е. М. Дьяконовой), поэзия Ёсано Акико (перевод Е. Дьяконовой), «Собрание рассказов Отоги-дзоси» (перевод М. В. Торопыгиной). Интерес к классическим текстам всегда культивировался в России, а во времена тяжких испытаний интерес к ним, как это ни парадоксально, только увеличивался, и не только в среде ученых.

При поддержке Японского Фонда издается несколько серий классической и современной японской литературы. Исправно выходила в издательстве «Северо-Запад» — примерно по одному тому в год — многотомная «Золотая серия японской литературы» (главный редактор В. Н. Горегляд, в настоящее время — А. Н. Мешеряков). В серии были опубликованы «Японские средневековые дневники», «Воинские повествования средневековой Японии», «Японские дзуйхицу» и другие тома.

Кроме того, в 2000-е годы в издательстве «Гиперион» стала выходить серия «Японская классическая библиотека. XX век» (главный редактор Е. М. Дьяконова), где опубликованы с предисловиями произведения Мори Огай, Кавабата Ясунари, Дадзай Осаму, Акутагава Рюносукэ, Нацумэ Сосэки, в ближайшее время готовится к изданию тома Танидзаки Дзюнъитиро и Симадзаки Тосона.

Новый проект по переводу японской литературы нового времени поддержан японской переводческой организацией Japanese Literature Publishing Project (Japan Association for Cultural Exchange) (JLPP), которая привлекла ведущих переводчиков с японского, не только маститых, но и некоторых молодых, которым дана возможность поробовать свои силы в переводе. Активное участие в проекте принимают Л. М. Ермакова, Г. Дуткина, А. А. Долин, Т. Редько, Е. М. Дьяконова, А. М. Кабанов, А. Н. Мешеряков, М. В. Торопыгина, К. Маранджан и др. Первые произведения японской литературы по проекту JLPP уже переведены и опубликованы. Параллельно произведения японской литературы переводятся на английский, французский и, возможно, будут переводиться на немецкий язык, так что это большой международный проект; российские переводчики с японского в таком участвуют впервые.

В последние годы своей жизни известный петербургский японовед В. Н. Горегляд сосредоточился на углублении некоторых тем, заявленных в своих ранних книгах. В Санкт-Петербургском центре «Петербургское Востоковедение» издан «Дневник эфемерной жизни» («Кагэро никки», вторая половина X в.). Переводу «Дневника» предпослано большое предисловие «Этот суетный десятый век». Незадолго до своей кончины В. Н. Горегляд издал замечательную историю японской литературы, которую можно считать образцовой («Японская литература VIII–XVI веков. Начало и развитие традиций», 1997). К ней постоянно обращаются исследователи японской литературы. Кроме того, Горегляд опубликовал повесть жанра «гунки» «Хогэн моногатари» (1999) с предисловием и комментариями.

Известный филолог И. А. Боронина (Институт мировой литературы) в последние годы издала несколько важных книг: это перевод с предисловием и комментариями антологии XIII в. «Синкокин вакасю» в двух томах (2000 г.), сборник танка, сочиненных на поэтических турнирах «Утаавасэ: поэтические турниры в средневековой Японии (IX–XIII вв.)» (1998 г.), сборник танка с предисловием и комментариями «Застава одинокой сосны» (2001 г.). Совместно с фольклористом А. Р. Садовой (Институт стран Азии и Африки при МГУ) Боронина издала краткую антологию японской классической литературы «Яшмовая нить» (1998 г.). Готовится к печати в издательстве «Литературные памятники» перевод средневековых японских трактатов по поэтике вака «Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии» (отв. редактор Е. М. Дьяконова). Это будет единственная книга, которая издана в серии, так называемых, «больших» памятников издательства «Наука».

К трудам И. А. Борониной примыкают работы, выполненные Т. И. Бреславец (Дальневосточный государственный университет во Владивостоке). Ее учебное пособие «Японская классическая литература VIII–XVI вв. Поэзия танка, рэнга, хайку» (1980), к сожалению, не получила широкого распространения из-за мизерного тиража. Другая полезная книга Т. И. Бреславец «Традиция в японской поэзии (Классический стих танка)» (1992 г.) представляет собой хрестоматию указанного жанра с подробным разбором многочисленных образцов танка в комментаторском ключе. Кроме того, в самые последние годы Т. И. Бреславец издала следующие книги: «Единение сердец. Японская поэзия рэнга» (1999); «Письмена ржанок. Трактаты Фудзивара Тэйка «Сёдзи хякуси» и «Эйгатайгай» (2000); «Ночлег в пути. Стихи и странствия Мацуо Басё» (2002). Она также опубликовала переводы танка и хайку в книгах «Японская поэзия» (1999); издала и обширную книгу о творчестве великого поэта хайку Мацуо Басё «Великое в малом» (2000). Недавно Бреславец издала во Владивостоке краткое учеб-

ное пособие «Японская литература с VIII по X вв.»), имеющее форму хрестоматии. К сожалению, эти ценные книги выходят в университетском издательстве во Владивостоке, имеют небольшой тираж и почти не доходят до Москвы и других центров.

К творчеству Т. И. Бреславец близки исследования ее ученицы из Дальневосточного университета А. Сулейменовой, которая издала книгу о творчестве Ёсано Акико, первой романтической поэтессы эпохи Мэйдзи (2004).

Л. М. Ермакова (профессор университета Кобэ) — я буду говорить только о тех ее работах, которые опубликованы в России — сосредоточилась на исследованиях синтоизма. Назовем две ее работы, опубликованные в двухтомнике «Синто — путь японских богов»: «Магическое и эстетическое в японском обрядовом фольклоре и ранней литературе» и «Ритуальные тексты нового времени». Она также опубликовала комментированный перевод раннего синтоистского памятника «Ямато-химэ-но микото сэйки». Другая сфера ее интересов в настоящее время — Япония в ранних произведениях русской литературы, переводы вака в свете литературной теории, саморефлексия японской литературы в древности. Она также сделала несколько открытий: обнаружила серебряную табличку с надписью на латыни, сделанную в Ватикане членом первого японского посольства в Европе (XVI в.), а также нашла два письма и три открытки писателя Танидзаки Дзюнъитиро русскому профессору Олегу Плетнеру (1920-е гг.). Изданная ею в 2005 г. небольшая, но весомая монография «Япан-остров» повествует о ранних годах русско-японского знакомства.

Е. М. Дьяконова перевела и откомментировала памятник XI в. «Оокагами» — («Великое зеркало»), в котором содержится биографии значительных лиц эпохи Хэйан, императоров, аристократов, чиновников, фрейлин рода Фудзивара с 850 по 1025 годы. В настоящее время Е. М. Дьяконова переводит другой памятник жанра «исторические повествования» (рэкиси моногатари) «Эйга моногатари» («Повесть о расцвете», XI или XII в.). Первый свиток увидит свет в «Антологии классической японской литературы». Кроме того, Е. М. Дьяконова опубликовала серию статей об истории и теории жанра хайку, которые являются продолжением ее диссертации «Ма-саока Сики и реформа традиционного японского жанра хайку». Последняя статья на эту тему опубликована в сборнике статей «Вещь в японской культуре», который вышел в 2003 г. в издательстве «Восточная литература» (ответственные редакторы Н. Г. Анарина, Е. М. Дьяконова). Дьяконова перевела также книгу Хигути Итиё «Сверстники» («Такэкурабэ») (2005 г.), а также собрание «Японской лирики» (2005 г.), куда вошли переводы стихотворений Хоригути Дайгаку,

Хагивара Сакутаро, Ёсано Акико, прозу Исикава Такубоку с предисловиями и комментариями.

Предисловие В. С. Сановича к книге «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю», XII в.) привлекло внимание русской читающей публики еще в 900-е гг. К настоящему времени книга выдержала два издания (1990 и 1994 гг.). Метод В. С. Сановича, близкий конрадовскому «пристальному чтению» и поэтапному раскрытию семантических пластов стихотворения, дал свои плоды: на небольшом объеме текстов удалось показать движение истории, смену эпох, поэтов. Кроме того, известны замечательные переводы В. С. Сановича из «Маттосё» Синрана, «Гёдо Васин», «Таннисё», некоторые из путевых дневников Мацуо Басё, несколько рассказов Акутагавы. В. С. Санович — большой знаток литературы эпохи Хэйан, человек посвященный во все тонкости профессии. Его подход к переводу отличается очень большой ответственностью, он по много лет занимается одним текстом, ювелирно отделяя детали, поэтому в целом переводов его, к сожалению, совсем немного.

Примечательны и труды А. Р. Садовой по японскому фольклору и синтоизму, ее монография «Японский фольклор» (2001 г.) представляет собой широкое исследование народного пласта японской культуры.

Известный историк А. Н. Мещеряков (Институт восточных культур и античности РГГУ) работает и как филолог. Кроме многочисленных исторических работ, он издал перевод поэтического турнира (утаавасэ), которые он назвал «Диалоги поэтов о временах года и любви» («Поэтический турнир, проведенный в годы Кампё при дворе императрицы»), а также перевод «Мурасаки Сикибу никки».

Член Союза писателей Т. Л. Соколова-Делюсина, известная переводчица «Гэндзи моногатари» (вышел в 1991 г. в 5-ти томах), в последние годы много занимается переводами старинной и современной поэзии и прозы. В 1998 году вышла ее книга «Ёса Бусон. Стихи и проза». Среди ее работ можно также назвать книгу переводов Сэридзава Кодзири «Умереть в Париже», она принимала участие в двухтомнике переводов из самой новой японской прозы в книге «Он» и «Она», изданной под эгидой Японского фонда в 2001 г. Она выпустила в свет также «Избранную прозу» Мацуо Басё (2000) и переводы Дадзай Осаму в книге «Цветы шутства» (2001). В 2005 г. вышел перевод «Идзуми Сикибу никки» («Дневник Идзуми Сиклабу») с предисловием переводчицы. Также ею выполнен перевод произведений Дадзай Осаму в книге, вошедшей в серию «Библиотека японской классической литературы. XX в.», издаваемой «Гиперионом».

Известный филолог, Т. П. Григорьева (Институт востоковедения, Москва), посвятила себя изучению философии и культуроло-

гии, автор известна как автор эмоционального эссе о лауреате Нобелевской премии Кавабата Ясунари (1993), нескольких предисловий к произведениям классического периода. Она также является составителем нескольких книг — собраний переводов из японской поэзии и прозы. Не так давно вышло составленное Т. П. Григорьевой издание «Духовное наследие», где собраны новые переводы «Кодзики», выполненные И. А. Борониной и К. Е. Черевко, а также фрагменты буддийских сочинений в переводе А. Г. Фесюна, А. Н. Игнатовича. Заслуживает упоминания и предисловие Т. П. Григорьевой к книге замечательного русского переводчика, одной из звезд дальневосточной литературной эмиграции М. П. Григорьева. Совместно с Э. Б. Саблиной, автором статьи о М. П. Григорьеве и журнале «Восточное обозрение», она издала наиболее полную книгу переводов бывшего семеновского офицера из Читы, попавшего в 1920 г. в Японию и проявившего недюженные литературные способности. Его переводы из Кавабаты Ясунари, Танидзак Дзюнъитиро поражают совершенством и благородной сдержанностью. Как произведения эмигранта, труды Григорьева долгое время замалчивались и стали доступны только в самые последние годы. В 2005 г. Григорьева издала двухтомник своих работ. В него вошли работы, начиная с 70-х годов до сегодняшнего дня. Первый том носит название «Путь японской культуры», второй — «Японская литература XX в.».

Известная переводчица Т. И. Редько-Добровольская давно специализируется на творчестве Ихара Сайкаку, смелого новатора и блестящего мастера стиля, и других писателей его эпохи. Недавно она издала со своим предисловием прекрасные переводы Ихара Сайкаку и Асаи Рёи (2002), Акутагавы в четырехтомнике этого автора (1998), «Сасамэюки» Танидзак Дзюнъитиро (2002) и «Хаха-о кору ки» Асаи Рёи (2003). Редько-Добровольская также участник продолжающихся литературных проектов Японского фонда и JLPP.

А. М. Кабанов (Институт востоковедения, Санкт-Петербург) специализируется на японской средневековой литературе на китайском языке, он опубликовал монографию «Литература Пяти монастырей» (2000), переводы Хиранага Гэннай «Фурю Сидокан-дэн». Он также издал в последние годы множество переводов современной японской прозы (Банана Есимото, Рю Мураками, Мисима Юкио).

М. В. Торопыгина (Институт востоковедения, Москва) представила в своем переводе памятник хэйанской прозы «Торикаэбая моногатари» («Путаница», 2003). Кроме того, М. В. Торопыгина опубликовала переводы рассказов XIV–XVI вв. в жанре отогидзоси («Гэндзи-обезьяна», 1994). Совместно с К. Маранджан М. В. Торопыгина издала в Санкт-Петербурге ценную двухтомную «Хрестоматию по истории японской литературы». В качестве переводчицы она

участвует в международном литературном проекте JLPP. Последняя из ее научных работ — это статья в сборнике «Вещь в японской культуре» «Подарки, пожалования и подношения в эпоху Хэйан (на материале «Гэндзи моногатари»)). В настоящее время Торопыгина готовится в издательстве «Гиперион» новое собрание отогги-дзоси.

Из пока не увидевших свет, но готовящихся к печати изданий можно назвать монографию И. А. Борониной «История гунки» (название условное), монографию «Теория хайку» Е. М. Дьяконовой, которая должна выйти в издательстве РГГУ. Там же скоро будет опубликована книга переводов известной поэтессы Ёсано Акико «Спутанные волосы» в переводе Е. М. Дьяконовой с предисловием и комментариями. Мне известно, что В. С. Санович перевел значительную часть «Кондзяку моногатари», некоторые главы уже опубликованы в различных сборниках. Существует перевод «Удзисюи моногатари» (и даже в двух вариантах — Т. Релько-Добровольской и Г. Г. Свиридова), он пока не опубликован.

Я не упоминаю (за некоторыми исключениями) о тех переводах и монографиях, которые увидели свет на русском языке, но написаны авторами, не живущими в России.

Под эгидой Фонда Сороса в скором времени намечен выпуск в свет в издательстве АСТ большой «Антологии японской классической литературы» в 60 а. л. — от «Кодзики» до середины XIX в., т. е. до эпохи Мэйдзи (ответственный редактор и автор монографического очерка об истории японской литературы Е. М. Дьяконова). Эту антологию Фонд Сороса намерен сам безвозмездно распространять по библиотекам России (столичным и провинциальным), чтобы дать возможность широкому кругу людей, особенно в провинции, где получение новых книг затруднено, познакомиться с японской классикой в целом. Антология японской классической литературы издается в серии «Золотая библиотека мировой литературы», спонсируемой Фондом Сороса.

Издание двухтомника «Он/Она. Новая японская проза» (2001), спонсированное Японским фондом, а также и планируемое в конце 2004 г. издание четырехтомника «Антологии современной японской литературы» (два тома из этих четырех уже изданы в 2003 г., это «Теория катастроф» и «Станный ветер. Современная японская поэзия»), а также проект JLPP — это те единственные проекты, которые привлекают молодых авторов и переводчиков, и связано это и с престижностью проектов, и с достойной оплатой труда переводчиков.

Новая форма работы — поездка с лекциями в страны бывшего СНГ при поддержке Японского Фонда. Так, я в течение 1,5 месяцев преподавала японскую литературу в Ташкентском университете (Институте востоковедения, Узбекистан), прочитала 32 лекции.

Должна с огорчением отметить, что в целом, несмотря на чрезвычайно высокий уровень интереса к японской литературе, как к классической, так и к современной, в российском обществе публичные ожидания не всегда оправдываются. В настоящее время очень мало студентов и аспирантов посвящают себя науке вообще, и, в частности, изучению литературы. Можно назвать лишь несколько имен молодых людей, подающих надежды в этой области. Вся тяжесть работы лежит на плечах очень немногих ученых среднего и старшего возраста, сохранивших романтические представления о профессии. С естественным уходом этого поколения исследователей и переводчиков данная область может вообще закончить свое существование. Амбициозные молодые люди в основном выбирают другие специальности, даже окончивая востоковедные учебные заведения, вступают на путь коммерции и бизнеса, нанимаются в японские фирмы, в лучшем случае уходят в изучение экономики и политологии. Видимо, дело в скудном финансовом обеспечении японистики, которое не привлекает молодых и перспективных студентов, аспирантов и научных сотрудников. Отмечу, что многие японисты в 1990-е годы покинули Россию по разным причинам и обосновались в Японии, из них только некоторые принимают участие в российских изданиях, видимо, по тем же причинам. Отмечу, что только переводческие проекты Японского Фонда и JLPP сумели привлечь русских японистов, живущих в Японии, к работе, в прочих русских проектах они почти не участвуют (исключение составляет Л. М. Ермакова).

Из рекомендаций: мне кажется, что следует поддержать написание истории японской литературы, существует прекрасная книга В. Н. Горегляда, о которой упоминалось выше, однако там говорится о словесности только периода VIII–XVI вв. Необходимо создать второй том такой истории с XVI по XX вв.

Японская экономика и ее исследования

Японская экономика — уникально интересное пространство для научного поиска. Она неоднократно представляла перед миром в принципиально отличающихся друг от друга обликах и всякий раз ставила исследователям вопросы на засыпку. И нередко даже в тех случаях, когда находились, как казалось, безукоризненные ответы, их приходилось пересматривать, а то и вообще отбрасывать под напором новых впечатлений, новой информации, новых методологических подходов.

Достаточно вспомнить в этой связи оценки состояния и динамики хозяйственного потенциала эпохи Токугава. Долгие годы его сверх всякой разумной меры принижали, считали воплощением безнадежной застойности и отсталости.

Потом выяснялась, мягко говоря, поверхностность этих оценок, их идеологическая заданность, донельзя искажавшая действительное положение дел на протяжении целой эпохи, когда в условиях изоляции от остального мира (а, может быть, благодаря ей) были созданы важные экономические предпосылки последующего стремительного рывка.

Ведь на голом месте Япония не смогла бы за какие-нибудь три с лишним десятка мэйдзийских лет построить хозяйство, оказавшееся достаточным для выхода на мировую арену в качестве полноправного игрока.

То же самое относится и к межвоенному периоду. Идеологический прессинг на советских японоведов, в том числе и на специалистов в области экономики, приобрел тотальный характер, и у них не оставалось иного выбора, кроме выдачи на гора все тех же описаний непреодолимой отсталости, знаменитых полуфеодальных пережитков.

Откуда впоследствии возникла именно экономическая способность противостоять в течение ряда лет ведущим мировым державам (одним колониальным грабежом этого не объяснить!) — это обстоятельство осталось за рамками понимания. Концы с концами у уче-

ных мэтров не сходились, особенно у тех, кто принимал на веру заранее, до анализа навязанные выводы.

Очередной и на сей раз буквально сногшибательный сюрприз японская экономика преподнесла в послевоенные годы. Преобразование страны, восставшей из разрухи и за ничтожный по историческим меркам промежуток времени вышедшей на позиции второй экономической державы мира, беспрецедентно и вряд ли когда-нибудь будет кем-то повторено.

Должен с запоздалой радостью признать, что и главные организаторы контроля над содержанием работ о японской экономике, так сказать, махнули на нее рукой и молчаливо позволили хотя бы слегка развести насквозь лживую пропаганду заметной порцией строго научной объективности.

В результате практически каждая публикация о японской экономике, выходящая из стен главных академических центров, вызывала сенсацию, смятение умов и жаркую полемику в кругах читающей публики, равно как и дикую озлобленность в лагере оголтелых ортодоксов, не улавливавших нюансов тактики даже высшего начальства. На одну из этих публикаций сотрудник советского посольства в Токио прислал в международный отдел ЦК КПСС письмо-донос с грозным обвинением авторов в ревизионизме.

Как бы то ни было, японоведы-экономисты использовали появившиеся возможности до предела.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на широту реализованной ими программы исследований (программа эта, разумеется, не была официальной, — речь шла о стопроцентной инициативе снизу). В ее рамки попали, например, вся макро- и микроэкономика, роль государства и частного предпринимательства, теории японских экономистов и т. д.

Уже в начале 60-х годов в свет вышли статьи и книги с подробным описанием процессов послевоенного возрождения японской экономики, причем впервые были верно оценены реформы, проведенные под руководством американских оккупационных властей и ранее шельмовавшиеся как вредные и непродуктивные.

Между тем и роспуск концернов дзайбацу, и особенно преобразование в деревне вкупе с общей демократизацией на всех без исключения участках общественной жизни были мерами чистой пробы революционными да еще не сопровождавшимися сколь-нибудь серьезным насилием (если разрозненные акты насилия и имели место, то со стороны ультралевой оппозиции, науськиваемой Москвой).

Затем центр тяжести исследований японоведов-экономистов сместился на усвоение уроков японского экономического чуда,

В многочисленных публикациях на эту тему, наряду с методологическими вопросами анализа национального дохода и общественного продукта, были всесторонне исследованы причины высоких темпов экономического роста Японии, изменения в отраслевой и стоимостной структуре общественного продукта, распределение национального дохода, накопление капитала и его народнохозяйственная эффективность, факторы повышения производительности труда, мирохозяйственные связи страны, массированно вторгшейся на глобальные рынки, и т. д.

Важной заслугой японоведов-экономистов явилось преодоление необыкновенно упорного сопротивления тех, кто ограничивал перечень допустимых объектов научного анализа.

В перечень этих объектов удалось включить, к примеру, и малый бизнес, и сферу производства услуг, и государственное программирование, и научно-технический прогресс в промышленности и сельском хозяйстве с его социально-экономическими последствиями, и личное потребление, и научный менеджмент, и социально-психологические стимулы трудовой мотивации.

В обстановке глухого застоя во всех сферах жизни СССР японоведы-экономисты добросовестно собирали крупинки японского опыта и раз за разом рекомендовали его критическое использование, как тогда говорили.

Делалось это, скорее, от отчаяния, ибо все сознавали, во-первых, принципиальную невозможность пересадки достижений свободной рыночной экономики на социалистическую почву и отвращение номенклатуры к каким бы то ни было экспериментам, а во-вторых, — безнадёжную тупиковость господствовавшего в стране строя. Однако правила игры приходилось соблюдать.

Знания о японской экономике распространялись не только с помощью статей и книг советских специалистов. В соответствии с планом, разработанным профессором Я. Певзнером, и при всемерной поддержке экономической редакции Издательства иностранной литературы были организованы переводы на русский язык работ выдающихся японских авторов того времени, в которых содержался детальный анализ прошлого, настоящего и будущего экономики Японии. До сих пор не перестаешь удивляться тому, как эти работы находили путь к читателям, несмотря на цензурный произвол.

Изучение японской экономики сделалось необыкновенно престижным занятием. Об этом можно было судить по данным об обильном притоке молодежи, стремившейся попасть в соответствующие подразделения учебных и академических институтов, а также в аспирантуру.

Тех молодых людей, которым удавалось выдержать достаточно строгий конкурс, не надо было особенно побуждать к обретению творческой самостоятельности. Сегодня они выполняли задания по сбору материалов, считке текстов, проверке цитат, а завтра сядили за собственные статьи, а затем и книги.

Короче говоря, в перестроечную эпоху японоведы-экономисты вступили с весьма солидным информационным и кадровым багажом.

В самом ее начале японоведы-экономисты успели подготовить работы, в которых показали, чего может добиться социально-экономический механизм, свободный от мертворожденных концепций, насильственно внедряемых в практику. Авторы поставили новые темы и по-новому разработали многие из числа старых.

Например, была всесторонне обоснована концепция конкурентного корпоративно-государственного капитализма в Японии, проанализирован рациональный иррационализм современного хозяйственного развития, охарактеризована софтизация как генеральное направление структурных преобразований, изучены особенности сетевой организации предпринимательства, выявлены новые источники трудовой мотивации, прослежен процесс становления экономики ценных бумаг, выдвинута система аргументов в пользу тезиса о новых тенденциях в интернационализации японской экономики и т. д.

Казалось бы, упомянутый выше ценный потенциал будет в максимально возможной степени затребован в новой обстановке в первую очередь для устранения неопределимо жалких последствий коммунистического хозяйствования и перевода российской экономики на путь, достойный страны.

Однако, как ни парадоксально, приход вождельной свободы творчества сопровождался резким ухудшением условий труда. О заработной плате научных работников вообще не стоит говорить. Но ведь, ко всему прочему, практически прекратилось поступление литературы, до минимума сузились возможности публикации итогов проделанной работы, почти полностью приостановилась подпитка ветеранских коллективов свежей сменой.

Как правило, выпускники высших учебных заведений направляются частный бизнес либо непосредственно со школьной скамьи, либо по окончании аспирантуры. Младший научный сотрудник превратился в неуловимого фантома.

В атмосфере вяло текущего убиения гуманитарной науки, в том числе и японоведения с его некогда лидировавшей экономической подотраслью, помощь пришла извне, из страны-объекта многолетних исследований.

Не будет преувеличением сказать, что российское японоведение, включая, конечно, и экономические штудии, держится на плаву благодаря государственному Японскому фонду.

В этом году исполняется пятнадцать лет со дня заключения между Японским фондом и нашей Академией наук соглашения о сотрудничестве в деле регулярного ознакомления российской общественности с происходящими в Японии событиями. Экономическая информация заняла в этой долговременной кампании видное место.

По печальной иронии судьбы именно тогда, в 1991 г., стартовало так называемое потерянное десятилетие, т. е. глубокая экономическая рецессия, которая прежде всего сигнализировала о выработанности ресурса ключевыми деталями механизма, успешно функционировавшего в предшествующие десятилетия и о жгучей потребности в нововведениях. Речь шла не больше и не меньше, как об удержании Японией почетного второго места в мировой экономической таблице о рангах.

Ученые-экономисты получили обильную пищу для размышлений. Предстояло, во-первых, разобраться с непосредственными и косвенными причинами рецессии; во-вторых, оценить ее по существу; в-третьих, изучить планы и меры японского бизнеса и японских властей по выходу на траекторию устойчивого развития; в-четвертых, проверить эффективность приложенных усилий; в-пятых, спрогнозировать в общих чертах будущее японской экономики.

На всех этих направлениях развернулась интенсивная работа, быстро давшая ощутимые плоды, не в последнюю очередь потому, что Японский фонд поддерживает абсолютное невмешательство в редакционно-издательскую деятельность Центра по изучению современной Японии. Основная часть экономической работы по сию пору выполняется в Институте востоковедения и Институте мировой экономики и международных отношений.

Возник своеобразный книжный конвейер, с которого почти каждый год на протяжении упомянутых пятнадцати лет сходят по две-три книги с несколькими главами экономической тематики, два-четыре номера журнала «Знакомьтесь — Япония» с неизменной экономической рубрикой, содержащей, как правило, по две статьи, ежегодник «Япония», где опять-таки присутствует экономический раздел, а также специальные бюллетени со студенческими работами (преимущественно экономического содержания), победившими на ежегодных конкурсах.

Я уж не говорю о довольно многочисленных статьях японоведов-экономистов в, так сказать, непрофильных газетах и журналах.

Простой перечень книг, в которых изучению анатомии и физиологии рецессии девяностых годов было уделено самое пристальное

внимание, служит веским доказательством высокой активности изрядно поредевшей в силу естественных и социальных причин когорты экспертов в области японской экономики: «Япония: полвека обновления», «Япония: конец века», «Япония 90-х: кризис системы или временные сбои?», «Японский феномен», «Япония: в поисках новых рубежей», «Япония: переворачивая страницу», «Япония и глобальные проблемы человечества», «Япония: с чем в третье тысячелетие?», «Япония: собрание очерков “вслед за кистью” (дзуйхицу)», «Япония: снова на марше?», «Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в.».

В каждой книге тщательно разбирались преобладающие тренды в хозяйстве страны, так что уже на сегодняшний день мы обладаем своего рода летописью японской экономической истории девяностых годов XX в. и начала века текущего.

Что же касается проблем фундаментального характера, то японоведов-экономистов ни на мгновение не останавливали даже самые сложные и запутанные, требовавшие специальных знаний, которыми, бывало, приходилось обогатиться попутно с проведением конкретного анализа.

Итак, в 1996 г. изучались такие темы, как Япония в мировом технологическом пространстве, японская официальная помощь развитию, трансформация общественного сознания в стране и потребительское поведение.

В 1998 г. настала очередь анализа перехода к новым системам управления на фирменном и общегосударственном уровнях, соотношения регламентаций и дерегулирования в том числе и финансовой системы, роли Японии в экономике АТР, а также так называемой революции цен, истоков экономической рецессии, приватизации общественных предприятий и системы управления персоналом в условиях рецессии, административной реформы и состояния японской науки.

В 1999 г. внимание японоведов-экономистов сфокусировалось на путях к экологически устойчивому развитию Японии, на преодолении остатков нищеты в стране и обретению ее народом стабильной зажиточности (рецессия оказалась бессильной повернуть ход событий в данной области вспять), на ближайших и отдаленных перспективах экономической динамики, на неиспользованных средствах выправления конъюнктуры.

Исключительно важные вопросы экономического развития Японии были подняты специалистами в 2000 г. В частности, всестороннему рассмотрению подвергся глобализационный процесс, первые волны которого докатились до японских берегов и резко усилили продвижение страны к общемировым (читай американским!) стан-

дартам в ущерб ее специфичности. Тогда же появился редкостный по детальности и обобщениям анализ японских корпоративных групп в ретроспективе и перспективе. В аналогичном плане сопоставлений прошлого с настоящим и будущим была изучена региональная экономическая политика 90-х годов. Наконец, после довольно долгого перерыва в исследования вернулась сельскохозяйственная тематика в виде портрета современной японской деревни.

В 2001 г. японоведы-экономисты снова выступили с итогами исследований важнейших событий в экономической жизни Японии. Были представлены доказательства медленного, но неуклонного удупления конъюнктуры, дан исчерпывающий обзор третьей волны хозяйственных реформ, оценен потенциальный вклад регионов в укрепление национальной экономики на базе делегирования компетенции из центра на места, предложен ответ на вопрос о японском научно-техническом лидерстве и описаны внешнеэкономические связи стран в обстановке структурной рецессии.

Непредвиденные заминки с финансированием издательской деятельности Центра по изучению современной Японии (кстати, лишней раз доказавшие их непреходящее значение для выживания российского японоведения) приостановили было упомянутый конвейер в 2002 г., ограничили экономические публикации страницами журнала «Знакомьтесь — Япония».

Однако уже на следующий, 2003 г., положение частично нормализовалось, и читатели получили общее обозрение экономической политики премьер-министра Д. Коидзуми, скрупулезный разбор трансформации ценностных ориентиров социально-экономического развития Японии, подробную характеристику мер по защите японского внутреннего рынка, анализ движения страны к информационному обществу и заметки об участии Японии в международном экономическом сотрудничестве в Восточной Азии.

В настоящее время идет подготовка к сдаче в издательство очередных сборников с многочисленными статьями на экономическую тематику. Авторы рассчитывают на скорое ознакомление своей привычной аудитории с радикальной пенсионной реформой, продвигаемой правительством Д. Коидзуми, с далеко идущими преобразованиями в банковском секторе страны, с состоянием и перспективами государственных и личных сбережений, со сдвигами в сельском хозяйстве и аграрной политике японских кабинетов последнего времени, с инновационными резервами японской экономики.

Следует особо подчеркнуть, что на протяжении всех этих лет японоведы-экономисты никогда не подавали хозяйственные проблемы страны в отрыве от социально-политических реалий. Прямые и обратные связи экономической сферы с мирами японского общества

и японской политики служили и служат неперменными атрибутами их работ.

Именно под подобным углом зрения были всесторонне изучены факторы, влияющие на жизненный цикл японцев, и основные проблемы стареющего японского общества, перманентная реформа образования и эволюция системы социального обеспечения в стране, общественное сознание в годы рецессии и культура быта современных японцев, среда обитания японского населения и ответы Японии на вызовы XX в., путь к реформам на фоне партийной перестройки и современное правосознание японцев.

Японоведы-экономисты продолжают развивать свои исследования по многим направлениям. Немалый интерес среди них вызывают попытки хотя бы в общих чертах определить будущее японской экономики. Позвольте заключить мое сообщение некоторыми экспертными оценками на этот счет.

В 1990-х — начале 2000-х годов Япония пережила рецессию, беспрецедентную для крупной развитой страны. Она сопровождалась длительной дефляцией цен — единственной в экономической истории современности. Страна вошла в рецессию в мирных условиях и без каких-либо внешних потрясений, а вышла только после глубоких реформ, многое изменивших в ее экономическом укладе. Перспективы Японии будут зависеть от оздоровления основных экономических институтов в не меньшей степени, чем от состояния ее ресурсов — труд, капитала, технологий.

Панорамная картина японской экономики в ближайшие 15 лет будет, по всей видимости, определяться воздействием следующих факторов:

1. Демографические тенденции (снижение рождаемости при росте ожидаемой продолжительности жизни) явятся постоянно действующим ограничителем. Ввиду этого экономика будет нуждаться в дальнейшей реформе социального обеспечения, в преодолении жесткости рынка труда и в пересмотре иммиграционной политики. Повышение степени гибкости рынка труда произойдет при окончательном искоренении системы пожизненного найма и оплаты по старшинству. Импорт иностранной рабочей силы будет в течение какого-то времени ограничиваться персоналом высокой квалификации по причине национальной аллергии к экономической иммиграции из бедных неблагополучных стран.

2. Инвестиционный спрос определится во многом выбытием и отчасти заменой мощностей, созданных на излете XX в. Перевод производственных и сбытовых мощностей, а также логистики за границу продолжится, но экспорт и импорт капитала будут сбалансированы по образцу ведущих государств ЕС. Поощрение импорта капи-

тала и привлечение иностранного управленческого опыта в Японию представляются неизбежными. Внутренний инвестиционный спрос сосредоточится в области разработок и освоения новейших технологий. Постоянной его составляющей останутся вложения в инфраструктуру.

3. Сокращение государственного долга и его обслуживание являются основными компонентами бюджетной политики. Допустимо ожидать прекращения политики поддержания неэффективных отраслей с низкими потенциалами роста (в первую очередь сельского хозяйства, в котором уже начинается переход от мелкого фермерства к средним и крупным производителям-агрофирмам). Пересмотр налоговой системы, вероятно, приведет к перемещению налогового бремени с предпринимательского сектора на домашние хозяйства ради усиления потенциала роста предприятий (правда, эта акция грозит нанести удар по динамике потребительского спроса, от которого критически зависят темпы роста ВВП).

4. Изменения в корпоративной системе и на финансовых рынках обещают придать устойчивость экономическому росту. Оздоровлением банков и компаний заложены грядущие перемены в структуре собственности и корпоративного управления. Дисперсия акционерной собственности уступит место большей концентрации, разовьется институт стратегических инвесторов, будет создана система защиты прав миноритарных акционеров. Банки начнут в полной мере выполнять функции финансового посредничества и после отмены 100%-ной гарантии вкладов будут подчиняться рыночной дисциплине. Фондовый рынок возьмет на себя роль главного источника финансирования крупных компаний, а развитие венчурного финансирования обеспечит обновление сектора частных предприятий. Дальнейшая приватизация предприятий, остающихся пока в государственной и смешанной собственности (компании дорожного строительства, университеты, почтово-сберегательная сеть) усилит экономическую роль и социальную роль частного сектора.

5. Внешнеэкономическая ситуация будет способна оказывать и стимулирующее, и лимитирующее воздействие на экономический рост Японии. Важность уровня мировых цен на нефть относительно уменьшится. Потребность японской экономики в нефти будет постепенно снижаться ввиду структурных сдвигов в пользу сферы услуг. Япония не будет рассчитывать на американский спрос в той же степени, как то было раньше, даже при его стабильном росте. Главным рынком останется Китай, который, по мере развития собственной промышленности и роста доходов населения, будет приобретать меньше японских товаров производственного назначения и больше — высокотехнологичных потребительских товаров. Утрачивая

позиции промышленной мастерской мира, Япония останется одним из мировых лидеров в производстве и экспорте товаров с высокой долей вновь созданной стоимости. Особенно важную роль она будет играть во внутрирегиональной производственной кооперации, развивающейся в АТР. Прогресс внутрифирменной трансграничной торговли будет опережать динамику чисто коммерческого импорта и экспорта. Зарубежные инвестиции будут гасить риски колебания валютных курсов. Что касается интеграционного процесса в АТР, то, уступая чисто количественные позиции Китаю, Япония сохранит за собой роль центра притяжения и финансирования, источника технологий и управленческого опыта для всего региона.

Изучение основных проблем современной Японии и их перспективы

В 90-е годы прошлого века во всех гуманитарных сферах — политологии, социологии, политэкономии, культурологии шла ревизия теоретических фундаментальных основ и методологии исследований. Значительная часть усилий исследователей была направлена на критику, прежде всего, идеологических постулатов. Одновременно открылся более широкий доступ к ознакомлению с современными западными теориями, что привело к определенному увлечению ими в ущерб трезвой оценке многих событий и явлений, стремлению приспособить их к собственным исследованиям.

К чести российских японоведов их исследования это затронуло в меньшей степени. Они не поддались модной европеизации гуманитарных наук, оценке исторических процессов с европоцентристской точки зрения и признали главным теоретическим принципом научную объективность. Несмотря на долголетний идеологический пресс, большинство российских исследователей Японии полностью сохранили и приумножили замечательные традиции отечественной науки о Японии, а их труды не уступают работам мирового уровня.

Освобождение от идеологического диктата открыло поистине неограниченный простор для исследований, что, безусловно, благотворно сказалось и на изучении Японии в этот период. В силу сложившихся в послевоенный период условий в нашей стране наибольшее число исследований по Японии (а их вышло в этот период намного больше, чем за предыдущее столетие) было посвящено социально-экономическим проблемам того же периода. В своем большинстве это были очень добротные исследования, основанные на прекрасном знании фактического материала и достаточно убедительные в концептуальном плане. Не были забыты, конечно, политика и культура, меньше повезло истории.

В рассматриваемый период проявился вполне очевидный интерес к исторической тематике, появился ряд новаторских работ по древней, средневековой и новой истории Японии, о чем уже говорилось. Но главным трудом в этой области, и это я хочу особо подчеркнуть, явился двухтомник «История Японии» (Москва, ИВ РАН, 1999), охватывающий всю историю страны. Это учебное пособие,

выдержавшее уже два издания, оказалось чрезвычайно востребованным не только в России, но и в большинстве стран СНГ. Как известно, историю нельзя переписывать заново, но можно и нужно рассматривать ее с новых методологических позиций беспристрастности, объективности, здравого смысла, отказавшись от схематической интерпретации, подогнанной под определенную теоретическую схему. «История Японии» написана именно с таких позиций. В появлении такой масштабной работы существенную помощь оказал Японский фонд, проявивший заинтересованное отношение и поддержку страноведческих исследований в России.

Первая половина 90-х годов была чрезвычайно трудной дляживания академической науки в нашей стране. И именно в это время в 1991 г. Академией наук (СССР, ныне РАН) и Японским фондом было заключено Соглашение, продленное в 1997 г., «С целью содействовать японоведческим исследованиям в России». На основе этого Соглашения с середины 90-х годов ежегодно выходит три серии книг, которые выпускают специализированные центры трех академических институтов — Института востоковедения, Института мировой экономики и международных отношений, Института Дальнего Востока под эгидой Центра по изучению современной Японии.

За истекшие годы вышло 23 книги. Тематика их многогранна, а анализ достаточно масштабен. Книги написаны в абсолютно новой творческой научной атмосфере современной России. Они вносят весьма внушительный вклад в российское японоведение. Очень важно, что во всех работах отражена личная точка зрения авторов, без всякого вмешательства со стороны ответственных редакторов, без чьих-либо директивных указаний.

При этом многие реалии японской действительности, которые рассматривались и раньше, исследуются более подробно и глубоко, на более высоком научном уровне. Большое внимание уделяется не только тому, что происходит, но и как происходит, какие перемены в разных сферах и на разных уровнях необходимы для тех или иных значимых функциональных перемен.

В настоящее время японоведы, не шарахаясь в сторону от признания социальных противоречий и классовой борьбы, выбирают цивилизационный путь исследования, анализируя человеческий фактор. Именно с этих позиций они стараются дать ответ на вопросы: как в этом плане выглядит культурное и политическое лицо страны — вчерашнее, сегодняшнее, будущее? Куда идет дело? Что можно ожидать от Японии — во внутренних и международных планах — в ее роли мировой державы.

При всем многообразии ответов на поставленные вопросы можно ясно понять, что основой всего прогресса страны является демо-

кратия, которая приобрела необратимый характер. Анализируя японскую модель демократии, наши исследователи пришли к выводу, что Япония представляет собой пример формирования политической системы и общества в целом, где достаточно мирно уживаются традиции и инновации. Японская демократия, по сути, представляет собой «демократический каркас, пронизанный элементами традиционной социальной психологии, этических, моральных и прочих ценностей».

Теоретическое осмысление японской политической системы основывается на большом историческом отрезке всего послевоенного развития страны. Среди особенностей политической системы особенно выделяется роль традиции, группового структурирования в политической организации общества, а также специфика функции бюрократии как «амортизатора» между политическими и экономическими компонентами общества. Еще одним важным выводом является положение о приоритетности государственных интересов над интересами каждой из трех групп (политики, бюрократии, бизнеса), составляющих каркас властных структур.

Японская политическая система отличается плюрализмом: ЛДП предпочитает избегать лобовых столкновений с оппозицией и добиваться консенсуса, хотя оппозиция в Японии «никогда не выдвигала действенной альтернативы политике ЛДП, а ограничивалась ее огульной критикой». По мнению наших ученых, суть «системы 1955 г.» не в авторитаризме «доминантной партии», а в гармоничности системы сдержек и противовесов, при которой сложилась своего рода «разделение обязанностей» между ЛДП и оппозиционными партиями. Первые представляют национальные интересы, а вторые — интересы отдельных групп населения.

Российские исследователи немало внимания уделяют исследованию проблемы прочности позиций ЛДП на политической арене страны. Они отмечают, что в основе кризиса системы единоличного господства этой партии был протест «не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов, которые не учитывали интересы различных слоев населения». Многие причины кризисных явлений в партии видятся во фракционной внутрипартийной структуре, скрытости и закулисности процесса принятия решений, недоступности для публичного контроля. Серьезные подвижки внутри ЛДП, которая отметила пятидесятилетний юбилей, в определенной степени подтверждают такую оценку.

При этом в Японии отмечается высокая степень интегрированности различных социальных слоев и групп в политическую систему, позволяющую обеспечить относительную политическую стабильность, возможность разрешать социальные противоречия без их

трансформации в опасные конфликты. Японской политической культуре свойственна приверженность идее достижения общественного согласия, отторжение экстремизма и радикализма, стремление к социальному и политическому миру.

Большое внимание уделяется выявлению закономерностей развития современного японского общества, его изменениям в условиях модернизации, интернационализации, глобализации, его отличиям от развитых стран Запада. В большинстве своем российские исследователи подходят к изучению общества не с позиций европоцентризма, а с учетом всех присущих ему особенностей, принимая во внимание социопсихологические характеристики населения, его культурное наследие, менталитет, традиции, что дает более правильную картину того или иного явления.

На основе такого подхода многие исследователи в целом приходят к общему выводу о том, что при всей своей самобытности современное японское общество оказывается вполне эффективным как в сфере экономики, так и в области политической и правовой саморегуляции. Пример Японии свидетельствует, что бережное отношение к своей истории, культуре и традициям скорее способствует развитию, чем тормозит его. Более того, успешное экономическое развитие и формирование постиндустриального общества совсем необязательно приводит к утрате национальной самобытности.

Существуют, однако, и другие точки зрения.

Заданный жанр обзора не позволяет говорить о конкретных исследованиях и их авторах, но я позволю себе привести всего лишь один пример. Речь идет о книге «Японский феномен», появившейся в 1996 г. В этой работе, пожалуй, впервые была предпринята попытка на основе комплексного подхода к изучению страны дать определение и понять суть такого явления, как «японский феномен», который не одно десятилетие будоражил умы не только в российском, но и зарубежном японоведении. Мне думается, что использование цивилизационного подхода помогло осмыслить и понять природу «японского феномена», «как результата функционирования всей социально-экономической системы Японии», что «является своего рода теоретическим прорывом по сравнению со многими западными исследованиями».

Стоит особо заметить, что все проблемы развития общества, государства, экономики рассматриваются в историко-культурном контексте. Таким образом, получилось серьезное междисциплинарное исследование, в котором задействованы историки, экономисты, культурологи, политологи, социологи. Все вместе они, не впадая в эйфорию от успехов развития послевоенной Японии, постарались понять основные принципы ее развития и ответить на вопрос в чем секрет ее эффективности.

Большинство японоведов оценивают состояние современного японского общества как стабильное, несмотря на весьма длительный период экономической рецессии. Стабильность, пожалуй, ключевое понятие этого общества. Она определяется рядом факторов: существованием политической стабильности, идеологической основой которой является консерватизм, т. е. наличием неоконсервативной модели развития; высоким уровнем образования; меньшим, чем в других странах, разрывом между высокими и низкими доходами, что позволяет большинству населения относить себя к среднему классу; высокой адаптивной способностью трудовых отношений; мирным сосуществованием различных конфессий; благоприятной экологической обстановкой; достаточно высоким уровнем качества жизни и пр.

Новый подход к изучению Японии проявляется в стремлении помещать ее в широкий мировой контекст. На примере одной из ведущих стран исследователи стараются понять, что такое «мировой порядок», что представляет собой мир во всех его ипостасях — политической, экономической, культурной, социальной. Кроме того, предпринимаются попытки рассматривать те или иные проблемы страны не сами по себе, а через личности ее творцов, в которых эти проблемы персонифицировались в истории страны. Такой подход в определенной степени корректирует широко распространенное представление о Японии как о стране, где господствует групповое сознание, и где индивидуальность и незаурядность не только не поощряются, но даже подавляются со стороны общества и отдельных групп.

Внешнеполитические проблемы современной Японии также привлекают внимание российских исследователей. Они исследуют как ее структурно-организационные и концептуальные основы, так и конкретные виды этой политики применительно к глобальным и региональным проблемам, а также к отдельным странам, представляющим для Японии большую важность. Основное внимание уделяется внутренним и внешним аспектам выработки внешнеполитического курса и механизму принятия решений, роли Японии в международных политико-экономических организациях, проблеме обеспечения национальной безопасности, в частности, энергетической. В последнее время много пишут об участии Японии в борьбе с международным терроризмом. Думается, что в связи с диверсификацией внешнеполитической деятельности Японии следовало бы уделять этой проблеме больше внимания.

В заключении мне бы хотелось сказать несколько слов о нашем издании — «Япония. Ежегодник», который без перерыва выходит с 1972 г. В трудные 90-е годы этому изданию помогла не только выжить, но и обрести новое дыхание поддержка Японского фонда, которую он оказывает через Ассоциацию японоведов. Российские

японоведы выражают искреннюю благодарность за бескорыстную материальную поддержку этого уникального издания. Это издание открыто для сотрудничества со всеми желающими. При определенном сокращении по объективным и субъективным причинам числа японоведов в нашей стране очень отчаянно активное участие в нем наших коллег — исследователей, живущих в Японии. В целом можно сказать, что в настоящее время издание ежегодника представляет собой заметный вклад в развитие японоведения в современной России.

Не секрет, что в постперестроечный период нарушились существовавшие прежде хорошие научные связи между японоведами, живущими и работающими в разных городах нашей огромной страны. К сожалению, теперь в Москве мы мало знаем, как говорится, чем живут и дышат наши коллеги, например, во Владивостоке, где всегда существовала сильная школа японоведов. Сложилась парадоксальная ситуация, когда московским японоведам легче встретиться с дальневосточными коллегами в Японии, чем в Москве.

Мы знаем, что еще в 1900 г. во Владивостоке был основан один из старейших научных журналов «Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета». На долгие годы он прекратил свое существование и возобновил лишь в 1994 г. В последние годы при поддержке Японского фонда раз в год в рамках этого журнала издается специальный выпуск «Япония».

В 90-е годы открылись новые возможности для успешного занятия научными исследованиями: расширяются научные контакты, увеличивается число зарубежных научных командировок, симпозиумов, конференций. Однако с сожалением можно заметить, что в японоведении за прошедшие годы практически не было никаких дискуссий по актуальным проблемам. Более того, японоведы оказались как бы в стороне от острейших дискуссий, на которых на протяжении всего постперестроечного периода, обсуждались, например, проблемы развития исторической науки в целом. Кроме того, в это время японоведы, занялись скорее освоением огромного массива информации, чем сосредоточились на разработке новых концепций, оценке узловых проблем истории страны и жизнедеятельности общества. Можно назвать лишь концепцию «консервативной революции», разработанную В. Э. Молодяковым, и находящуюся пока в стадии разработки концепцию перехода страны от постиндустриального общества к информационному, или, как еще его называют, интеллектуальному (Молодякова Э. В., Маркарян С. Б., Сенаторов А. И., Денисов Ю. Д.).

Думается, что проведение общероссийской конференции с привлечением работающих в Японии отечественных исследователей могла бы восполнить этот пробел.

Состояние и перспективы исследований по лингвистике

Академическое изучение японского языка — как и другие частные области японистики — принадлежит одновременно двум исследовательским парадигмам, общетеоретической и ареальной. С одной стороны, японское языкознание — это часть языкознания со своим методом, теорией и со своими авторитетами. С другой стороны, это часть японистики, т. е. дисциплина, которая на тех же правах, что и исследования по культуре, литературе, истории, вносит важнейший вклад в комплексное изучение такого глобального феномена, как Япония.

Особенность исследований по японскому языкознанию в России в последние десятилетия состоит в том, что они — по сравнению со многими другими частными японистическими дисциплинами — в большей степени интегрированы в общетеоретическую, чем в ареальную парадигму. Это объясняется несколькими причинами.

Первая причина кроется в самом предмете исследования. Японский язык как объект академического изучения — лакомый кусок для теоретической лингвистики. Для диахронической лингвистики японский язык интересен прежде всего как генетический изолят, генеалогические связи которого восстанавливаются только на основе изучения очень глубокого родства. Для грамматической теории и типологии японский язык предоставляет такие дистиллированные образцы некоторых грамматических явлений, что их охотно используют в качестве иллюстраций в курсах по введению в языкознание. Так, например, любой лингвист-типолог знает, что японский это образцовый топиальный язык, и даже не знающий ни одного слова по-японски приведет в пример японский показатель топика *wa*. Точно также популярны в теоретической лингвистике ссылки на порядок слов в японском языке, поскольку японский — образцовый язык с так называемым левым ветвлением, в котором зависимое всегда расположено левее своей вершины. Японские формы вежливости, возвратные местоимения *дзibun* и *дзibun-дзисин*, бенефактивные конструкции с глаголами типа *мору* — существование этих и многих других языковых феноменов привело к тому, что учет данных япон-

ского языка является обязательной составляющей в обобщающих теоретических и типологических исследованиях.

Вторая причина связана с тем, что в самой Японии имеется мощная и очень теоретически оснащенная национальная лингвистическая традиция. Эта традиция испытала на себе влияние разных лингвистических школ — индийской, китайской, а в новое время — европейских и американских, но, как это часто бывает в Японии, не только сохранила определенное своеобразие, но и во многих случаях предугадала и опередила развитие лингвистической теории в мире. Характерный пример — очень влиятельное в Японии направление исследований, изучение так называемого языкового существования (*гэнго сэйкацу*). Истоки этого направления связаны с работами знаменитого японского лингвиста Токиэда Мотоки, а в 70-е годы это направление оказало существенное влияние на теоретическую концепцию Минами Фудзиро, бывшего многие годы ведущим ученым Государственного научно-исследовательского института родного языка (Кокурицу кокуго кэнкю:дзё). Изучение языкового существования, сосредоточенное на массовых социолингвистических обследованиях естественных форм дискурса, значительно опередило произошедший в Европе и Америке в 90-е годы поворот к изучению спонтанного дискурса в рамках таких направлений социолингвистики, как, например, анализ бытового диалога. Примеров такого рода немало. В последние два десятилетия очень ощутим вклад в теоретическую лингвистику японских типологов: так, уже к классике теоретического языкознания относятся работы Сибатани Масаёси по типологии грамматического залога, работы Цунода Тасаку по типологии посессивности и ряд других.

Третья причина связана с особенностями собственно российского научного ландшафта во второй половине 20-ого столетия. 60-е годы в России — время небывалого расцвета лингвистических исследований, связанного с поворотом лингвистики к более точным методам, к компьютеризации и математизации исследований. Российская лингвистика испытала общий для мировой лингвистики этого периода рост интереса к интегральным лингвистическим теориям и к формализации метаязыка науки. В российской японистике этого времени наиболее значительными фигурами, представлявшими именно эту, общетеоретическую, парадигму были Александр Алексеевич Холодович в Ленинграде и Игорь Фридрихович Вардуль в Москве. Александр Алексеевич Холодович, столетие которого отмечается в этом году, автор классических работ по японской грамматике, был и выдающимся типологом, основоположником петербургской типологической школы. Игорь Фридрихович Вардуль — крупнейший российский специалист в области японского синтаксиса,

был и оригинальным лингвистом-теоретиком, автором интегральной теории ярусного строения языка.

Огромной заслугой И. Ф. Вардуля было и создание в Отделе языков Института востоковедения Академии наук мощного коллектива специалистов по японскому языкознанию. В стенах этого института работал Николай Александрович Сыромятников, крупнейший российский авторитет в области истории японского языка и один из авторов Большого японско-русского словаря — издания, которое до сих пор является настольной книгой российского япониста. По инициативе Игоря Фридриховича в Институте востоковедения начались работы по созданию системы японско-русского машинного перевода. Исследования по автоматической обработке японских текстов сейчас возглавляет нынешний заведующий Отделом языков Института востоковедения — Зоя Михайловна Шаляпина. И. Ф. Вардуль был одним из первых, кто стал целенаправленно приглашать на работу молодых выпускников Отделения структурной и прикладной лингвистики Московского университета. О японистах — выпускниках этого отделения следует сказать особо.

В 1960 г. на филологическом факультете МГУ было создано Отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) — первое специальное отделение, предназначенное для подготовки профессиональных лингвистов. На этом отделении впервые преподавание теоретических лингвистических дисциплин было дополнено усиленным изучением математики и программирования. Еще одним важным педагогическим экспериментом, на которые пошли создатели ОСиПЛа, стало преподавание восточных языков и, в частности, японского. Если на традиционных востоковедческих факультетах преподавание лингвистической теории играло вспомогательную роль, подчиняясь общей задаче подготовить широко эрудированного востоковеда (в частности — япониста), то на ОСиПЛе наоборот, преподавание японского языка прививалось к мощному дереву общелингвистической подготовки. Развитие лингвистики последних десятилетий показало чрезвычайную эффективность такого подхода. Общетеоретическая направленность современных исследований по японскому языкознанию в России не в последнюю очередь связана именно со вкладом выпускников ОСиПЛа.

Первый же выпуск японистов на ОСиПЛе привел в японское языкознание Владимира Михайловича Алпатова — ныне профессора, доктора филологических наук, заместителя директора Института востоковедения РАН. Написанные им монографии и статьи о категориях вежливости в японском языке, о понятии слова и его применимости к японскому языку, о японских аналитических конструкциях и многие другие уже вошли в списки обязательной литературы во мно-

гих университетских курсах. В. М. Алпатов — один из редких в России знатоков японской национальной лингвистической традиции. Во многом благодаря именно его усилиям был опубликован на русском языке сборник избранных работ крупнейших японских языковедов XX века. (В этом сборнике и мне посчастливилось участвовать в качестве переводчика работ Хасимото Синкити и Минами Фудзио).

Вместе с В. М. Алпатовым закончили ОСиПЛ и такие известные японисты, как Людмила Тимофеевна Нечаева — автор популярных учебников японского языка, первый в России доктор наук, защитивший диссертацию по лингвистическим основаниям методики преподавания японского языка, преподаватель Института стран Азии и Африки при МГУ, как Елена Викторовна Стругова — известный переводчик, автор учебников, тоже преподающая в ИСАА, как Татьяна Михайловна Гуревич — заведующая кафедрой японского языка МГИМО, и некоторые другие.

Я сама закончила ОСиПЛ в 1975 году. Этот японский выпуск будет навсегда связан с именем Сергея Анатольевича Старостина — гениального ученого, безвременно ушедшего из жизни в сентябре 2005 года. Выдающийся исследователь глубокого языкового родства, он осуществил прорывные исследования, позволившие обосновать генетическое единство алтайских языков и алтайское происхождение японского языка.

В последнее десятилетие традиции подготовки профессиональных лингвистов-японистов продолжены в Институте лингвистики РГГУ, где имею честь работать и я. Мы стараемся организовать учебный процесс таким образом, чтобы наш выпускник, не только хорошо владел японским языком, но и свободно ориентировался в современных лингвистических теориях, владел современными компьютерными методами сбора и анализа языковых данных. Годовой теоретический курс японского языка, который слушают наши студенты, построен по принципу типологического портрета — мы стараемся научить студентов различать те черты японского языка, которые составляют его типологическое своеобразие, и те черты, которые только кажутся экзотичными, но на самом деле встречаются и других языках, пусть даже в не совсем обычных конфигурациях.

К числу важнейших наших традиций я отношу и создание вертикальных исследовательских проектов, в которых сотрудничают ученые разных поколений. Для нас большая честь, что некоторые из наших вертикальных проектов были поддержаны Японским Фондом.

Одним из таких продолжающихся вертикальных проектов являются наши Международные типологические школы. С 2000 года Типологические школы и проводимый в их рамках семинар по исследованию японского языка в типологической перспективе под-

держиваются Японским Фондом. Этот проект позволил совместить европейский и американский опыт проведения Летних лингвистических институтов и дополнительных семестров интенсивного образования, представляющих собой учебные мероприятия с циклами лекций и семинаров, и российский опыт проведения конференций молодых ученых и студенческих научных обществ, являющихся чисто научным мероприятием. В рамках школы проводится работа по двум направлениям: во-первых, лекции ведущих японских, российских, европейских и американских лингвистов, и, во вторых, доклады и сообщения молодых ученых, студентов и аспирантов. Мы надеемся, что возможность выступить перед японистами-профессионалами и личное общение — как академическое, так и неформальное — облегчит молодым ученым вхождение в международное научное сообщество. В сентябре 2005 года очередную, Четвертую, типологическую школу — при поддержке Японского Фонда — РГГУ впервые провел совместно с Ереванским лингвистическим университетом, что позволило привлечь еще и японистов и лингвистов-теоретиков из бывших советских республик.

В заключение скажу коротко ещё об одном проекте, поддержанном Японским Фондом. Это создание в рамках деятельности Российской ассоциации японоведов цикла учебников по японистическим дисциплинам. Лингвистика представлена в этом цикле учебником по теоретической грамматике японского языка. В авторский коллектив этого учебника вошли японисты разных поколений: вместе со мной и моим учителем, Владимиром Михайловичем Алпатовым, работают и два наших ученика — недавние выпускники Института лингвистики РГГУ Петр Аркадьев и Юлия Колоскова. И это вселяет некоторую надежду на сохранение преемственности в российской японистике.

В. В. Кожевников

*Дальневосточный государственный университет,
Владивосток*

Японоведение во Владивостоке: современное состояние и перспективы развития

Уважаемые коллеги! Позвольте поблагодарить организаторов симпозиума за приглашение выступить перед уважаемой аудиторией.

Японоведение во Владивостоке имеет достаточно долгую историю. Не побоюсь сказать, что Владивосток исторически является третьим в России традиционным центром японоведения после Москвы и Санкт-Петербурга.

Дальневосточному государственному университету (ДВГУ) уже 106 лет. А свое начало он берет как раз с Восточного Института, открытого во Владивостоке 21 октября 1899 г. Это было первое высшее учебное заведение в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России. За 20 лет своей деятельности Восточный Институт превратился в крупный центр практического востоковедения, известный не только в России, но и за рубежом. Институт стал и центром дальневосточной японистики. Главным направлением её на первом этапе была подготовка специалистов практиков, знающих японский язык. Здесь готовились кадры, как для внешних связей, так и для нужд российской армии. Тем не менее, преподавателями-японистами велись и научные исследования, как в области истории Японии, так и филологии. В 1920 г. на базе восточного Института был создан Дальневосточный государственный университет. Здесь изучались история, культура, философия Японии. Представителями дальневосточной школы японистики были такие известные специалисты, как Д. М. Позднеев, Е. Спальвин, К. Харнский, Н. Мендрин, Н. Сыромятников, К. Попов и другие.

В 1938–1939 гг. по ряду причин японоведение во Владивостоке прекратило свое существование, и было восстановлено только в 1962 г. сначала в рамках восточного отделения ДВГУ, а с 1970 г. — Восточного факультета.

В 1994 г. после открытия Владивостока для иностранцев Восточный факультет ДВГУ был преобразован в Восточный институт, в рамках которого был сформирован факультет японоведения (директор Института профессор А. А. Хаматова, декан факультета — профессор А. А. Шнырко).

В настоящее время японоведение во Владивостоке представлено двумя составляющими — университетская японистика и академическая японистика, примером которой является Институт истории ДВО РАН. Традиционным центром университетской японистики является факультет японоведения Восточного института ДВГУ.

В рамках этого факультета изучение Японии идет по нескольким направлениям. Это, прежде всего, подготовка кадров, (общее число студентов обучающихся на факультете в 2005–2006 гг., составило 278 чел.) и научная работа (30 преподавателей, в том числе 2 доктора наук, 9 кандидатов наук).

Основные специализации:

- экономика Японии;
- история и культура Японии;
- филология (язык и литература).

При этом следует оговориться, что изучение японского языка как профессионального лингвистического направления существует во Владивостоке только в ДВГУ.

Самым крупным по числу студентов направлением является специальность «экономика Японии» по кафедре экономики и финансов стран АТР. Здесь работают 8 преподавателей, из которых половина выпускники факультета японоведения. Качественный состав: 4 профессора, 1 доцент, 3 ассистента, число студентов превышает 125 человек. В аспирантуре на кафедре обучается 17 аспирантов, треть из которых выпускники факультета японоведения. Основные направления исследований преподавателей и аспирантов этой кафедры: инновационное предпринимательство в среде малого бизнеса Японии, природно-ресурсный фактор российско-японских экономических отношений, региональный аспект, модели внешней торговли и экономического роста Японии. Преподаватели кафедры активно публикуют результаты своих исследований (за последние 5 лет ими опубликовано 26 научных работ).

История и культура Японии изучается на кафедре страноведения (72 студента, 6 преподавателей, в т. ч. 1 д. и. н., 3 кандидата и два молодых преподавателя, которые обучаются в аспирантуре, одна из них на стадии выхода на защиту кандидатской диссертации). При кафедре имеется аспирантура, где обучается 7 аспирантов, за последние годы защищено 2 кандидатские диссертации и одна работа подготовлена к защите.

Основные направления научной деятельности преподавателей — это исследования проблем вестернизации и модернизации Японии после реставрации Мэйдзи, история японцев во Владивостоке, история региональных российско-японских отношений на Дальнем Востоке, проблемы древней и средневековой истории Японии, история японского костюма и ряд других проблем.

Преподавателями кафедры регулярно публикуются монографии и учебные пособия по различным проблемам истории и культуры Японии (Верисоцкая Е. В. — «Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи», Кожевников В. В. — «Очерки истории Японии», «Откуда пришли японцы» и др).

При участии университетских японистов впервые в России было подготовлено и издано учебное пособие для средней школы «История и культура Японии в документах и иллюстрациях». Возможно, аналогов такого издания нет и в других странах.

Исследования в области японского языка и литературы Японии осуществляются на кафедре японского языка и литературы — самой большой кафедре по числу преподавателей (16, из них 3 кандидата наук, остальные преподаватели — опытные практики). На этой кафедре обучается 81 студент. На кафедре активную научную работу ведут японисты — литературоведы к. фил. н. Т. И. Бреславец и к. фил. н. В. В. Курлапов. Исследования ведутся по трем направлениям: теория японского традиционного стиха, проблемы современной японской литературы (XIX–XX вв.), сравнительно-типологическое изучение литератур Японии и стран Запада.

Т. И. Бреславец опубликовала около десятка монографий и учебных пособий по этой проблеме, среди которых можно назвать «Письма ржанок», «Литература Японии VIII–X вв.» и другие. На кафедре имеется аспирантура по специальности литература и лингвистика.

В последние годы было защищено 2 диссертации по литературе Японии «Эволюция творчества Ёсано Акико в контексте развития японской романтической поэзии» (Сулейменова А.) и «Запад и Восток в литературе японского неоромантизма» (Санина К.).

К сожалению, на Дальнем Востоке отсутствует Специализированный совет по специальности литература и лингвистика, что создает определенные трудности для подготовки кадров. Литературоведы смогли частично решить эту проблему, но филологам еще предстоит это.

Практическая сторона обучения японскому языку поставлена неплохо. Об этом говорят результаты конкурсов японского языка, как региональных, так и в СНГ, которые регулярно выигрывают студенты Восточного Института ДВГУ. Последние два года они брали первое и второе место, а также 1, 2 и 3 — места на конкурсах здесь в Москве, а также на региональных конкурсах.

Факультет японоведения поддерживает активные связи со многими японскими университетами: Сока дайгаку, Канадзава дайгаку, Тояма дайгаку, Осака Дайгаку, Осакиским университетом экономики и права, Токай дайгаку, Васэда, Университетом международной информации в Ниигата и другими.

У факультета установлены хорошие связи с Японским Фондом, который помогает с закупкой научной и учебной литературы в Японии, финансирует закупки оборудования, в учебном процессе участвует преподаватель-носитель японского языка, командированный Фондом. Кроме того, Фонд финансирует научные исследования по Японии, благодаря чему наши преподаватели ежегодно осуществляют командировки в Москву и в японские университеты для научной работы и сбора материала. Фонд также поддерживает издания научной и учебной литературы, благодаря чему был опубликован целый ряд монографий и учебных пособий, подготовленных преподавателями факультета.

Восточный институт с 1994 г. издает журнал «Известия Восточного института», в котором публикуются статьи преподавателей и аспирантов-японистов. Кроме того, при финансовой поддержке Японского Фонда ежегодно издается специальный выпуск журнала, посвященный исключительно проблемам истории, культуры, экономики Японии. Вышло уже четыре номера, в этом году выйдет пятый.

Необходимо упомянуть так же о японистике на историческом факультете ДВГУ. Это направление возглавляет д. и. н. Совастеев В. В. Под его руководством защищено несколько диссертаций по истории и культуре Японии. Сам В. В. Совастеев регулярно публикует работы по проблемам истории Японии, последней его работой является «История политической культуры Японии», изданной в 2004 г.

Университетская японистика во Владивостоке не ограничивается Восточным институтом ДВГУ. Японский язык, культура Японии с 1996 г. изучается и в Восточном институте Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ). В среднем здесь обучается около 120 студентов, изучающих японский язык. Особенностью этого ВУЗа является подготовка технических специалистов-переводчиков (по рыбной промышленности, лесной промышленности, электроники и другим отраслям). Здесь существуют две специализации: лингвистика и межкультурные коммуникации, а также перевод и переводоведение.

Хотя возможностей ведения научной работы здесь меньше, чем в ДВГУ, Восточный институт ДВГТУ ежегодно издает два сборника научных статей: «Актуальные проблемы языков: история, культура и образование стран АТР», где в основном публикуются работы молодых преподавателей, аспирантов и студентов», с 2000 г. здесь издается научный журнал «Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества». Институт также регулярно проводит международные конференции, часть из которых проходила при содействии Японского Фонда. Последним примером является конференция, посвященная 100-летию русско-японской войны (2005 год). Там же

был издан целый ряд сборников материалов, посвященных русско-японской войне.

Восточный институт ДВГТУ активно сотрудничает с японскими университетами, такими как Кокусинкан дайгаку (Токио) и Осака гайкоку дайгаку (Осака)

С 1991 г. в Морском государственном университете осуществлялось преподавание японского языка. В феврале 2002 г. на его базе был создан Институт Восточной Азии, в рамках которого сформирован факультет восточных языков, на котором существует кафедра японской филологии. Здесь работает 8 преподавателей, включая одного носителя японского языка, и обучается более 90 студентов. Основная специализация «переводчик японского языка в сфере профессиональной коммуникации» (включая такие направления, как психология, экономика предприятия, информационные технологии и другие). Институт также ведет научную работу, ежегодно проводит научную конференцию «Дальний Восток России и интеграционные процессы в АТР», материалы которой публикуются. На данный момент вышло уже три сборника. Последняя конференция была посвящена сотрудничеству Дальнего Востока России с префектурой Тояма. С текущего года планируется проводить также конференцию «Фактор моря в цивилизационном развитии Восточной Азии», а также научно-методическую конференцию «Теория и методика преподавания языков и культур».

Еще одним центром изучения японского языка и культуры является Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), в котором с 1996 года была создана специализация «регионоведение», на которой студентами изучалось по два восточных языка. Основное направление научной деятельности этого ВУЗа формулируется «Культура Восточной Азии: прошлое и настоящее», в настоящее время японское направление в этом ВУЗе продолжает развиваться.

Академическая японистика представлена Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В 1972 здесь был создан сектор Японии, перед которым была поставлена задача изучать историю и культуру северной части Японии — острова Хоккайдо. Это объяснялось тем, что общепонскими проблемами занимались головные академические учреждения, такие как Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока. В силу этого японисты Института истории занимались исследованием новой и новейшей истории Хоккайдо японской историографией истории российского Дальнего Востока, истории российско-японских отношений на Дальнем Востоке и другими вопросами. В Центре было подготовлено и издано научно-справочное издание «Хоккайдо.

История и современность». Последнее время Центр японоведения переживает большие трудности, связанные, в частности, с уходом по разным причинам большей части сотрудников: в настоящее время там работает всего 4 человека. Почти нет притока молодых кадров, что связано с низкими зарплатами в системе Академии наук. Тем не менее, деятельность его продолжается. Была подготовлена и опубликована монография «Российско-японские отношения на современном этапе: проблемы и поиски решений» (Кожевников В. В.), целый ряд статей, докладов на международных конференциях, сотрудники приглашаются для чтения лекций в японские университеты. Практически все преподают в университетах Владивостока и готовят учебные пособия. Большой заслугой Центра является подготовка и проведение традиционного российско-японского симпозиума ученых ДВО РАН и ученых района Кансай (Япония): в прошлом году прошел уже 21-й симпозиум.

В настоящее время в Центре разрабатывается новая программа исследований региональных контактов российского Дальнего Востока и Западного побережья Японии.

В заключение хотел бы сказать несколько слов о перспективах и проблемах. В силу непрекращающегося интереса к Японии среди молодежи Дальнего Востока России, перспективы практической японоведения (преподавание японского языка) не вызывают особого беспокойства. Наличие конкуренции среди ВУЗов даст возможность повышать качество преподавания. С другой стороны, предстоящая реформа университетского образования, переход на т. н. «болонскую систему» может привести к снижению качества преподавания японского языка в связи с отменой специальности востоковедения и уменьшением часов, выделенных на изучение языка.

В исследовательской же области перспективы не так радужны. В науке образовался разрыв между старыми кадрами и молодежью, практически отсутствует среднее по возрасту звено исследователей истории и культуры Японии. Кроме того, часть ведущих японоведов еще в 90-е годы уехали работать в Японию, что также создает сложности при подготовке кадров молодых специалистов. Есть надежда, что последние намерения государства по повышению престижа научной деятельности (например, резкое повышение зарплат) привлечет молодежь в науку, и японоведение во Владивостоке в ближайшем будущем сделает значительный шаг вперед.

Благодарю за внимание.

Ю. С. Пестушко

*Дальневосточный государственный
гуманитарный университет*

Японистика в Хабаровске

Сегодня в Хабаровске японский язык является одним из наиболее популярных иностранных языков. Японский язык преподается во многих высших учебных заведениях, лингвистических школах и на курсах. В городе насчитывается 9 основных высших учебных заведений, в которых ведется подготовка специалистов по японскому языку:

1. Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.

Приемная. Тел.: (4212) 30-45-04.

<http://www.khspu.ru>.

Факультет восточных языков. Тел. 42-05-64.

Институт лингвистики и международной коммуникации.

Факультет английского языка (преподавание японского языка как второго иностранного).

Тел. (4212) 30-49-36

2. Тихоокеанский государственный университет.

Адрес: 680026, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 58.

Приемная. Тел. (4212) 35-83-16.

<http://www.khstu.ru>.

Отдел международных образовательных программ. Тел. (4212) 72-07-12.

E-mail: intdep@khstu.ru

3. Хабаровская государственная академия экономики и права.

Адрес: 680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134.

Приемная. Тел. (4212) 71-78-79.

<http://www.ael.ru>.

Факультет международных экономических отношений, кафедра иностранных языков и межкультурной деловой коммуникации.

Тел. (4212) 35-86-46. E-mail: office@ael.ru.

4. Дальневосточный институт иностранных языков.

Адрес: 680021, Серышева 47, 2-й учебный корпус ДВГУПС, блок Д, 5-й этаж.

Приемная. Тел. (4212) 64-74-68.

Деканат. Тел. (4212) 64-75-68.

<http://dviiya.khv.ru>.

Отделение японского языка

5. Дальневосточный институт международных отношений.

Адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Ким-Ю-Чена, 45.

Приемная. Тел. (4212) 22-71-43.

<http://www.dvimo.ru>. E-mail: dvimo@mail.ru.

6. Дальневосточный институт международного бизнеса.

Адрес: 680021, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

Приемная. Тел. (4212) 34-46-65, (4212) 34-84-27.

Факультет дополнительного профессионального образования.

E-mail: fesib@mail.ru.

7. Хабаровский филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права.

Адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Калинина, 92.

Приемная. Тел. (4212) 30-00-58, факс (4212) 31-49-33.

Факультет иностранных языков. E-mail: ivesepznanie_kht@mail.ru.

8. Дальневосточный филиал Московского университета потребительской кооперации.

Адрес: 680000, Хабаровск, ул. Ленина 19.

Приемная. Тел. (4212) 21-55-53.

Кафедра русского и иностранного языков, отделение японского языка. Тел. (4212) 21-56-36.

9. Дальневосточный институт федеральной пограничной службы.

Адрес: 680017, Хабаровск, ул. Большая, 85.

Кафедра специальной языковой подготовки. Тел. (4212) 73-88-48.

Наряду с высшими учебными заведениями г. Хабаровска, обучение японскому ведется на языковых курсах, которые проводит Центр японского языка (Адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Московская, 7 (3 этаж). Тел. (4212) 22-74-60, <http://www.japancenter.khv.ru>, e-mail: por2@mail.redcom.ru). На вышеназванных курсах японский язык изучают люди, интересующиеся японским языком, историей и культурой Японии, а также все те, кому знание японского языка

необходимо в практической или научной деятельности. Обучение проводится бесплатно, по окончании курсов, в случае успешной сдачи экзаменов, выпускники Японского центра получают сертификат.

Среди высших учебных заведений Хабаровска основным университетом, осуществляющим подготовку специалистов в области японского языка, является Дальневосточный государственный гуманитарный университет (до 2005 г. — Хабаровский государственный педагогический университет). В Дальневосточном государственном гуманитарном университете японский язык преподается с 1991 г. Первоначально кафедра японского языка являлась структурным подразделением Факультета иностранных языков. В 1995 г., с образованием Факультета восточных языков, была создана кафедра японского и английского языков. С 1997 г. кафедра японского языка является самостоятельным подразделением вышеназванного факультета. Число студентов, изучающих японский язык, составляет около 200 человек.

На сегодняшний день численный состав кафедры японского языка: преподавательский — 16 человек, из них профессоров — 1, доцентов — 3, старших преподавателей — 12, лаборантов — 1. Кафедра японского языка ведёт обучение студентов по следующим лицензированным специальностям: 022600 — Теория и методика преподавания иностранных языков и культур; 022900 — Перевод и переводоведение; 023000 — Теория и практика межкультурной коммуникации.

Один раз в две недели кафедра японского языка проводит семинар по повышению квалификации преподавателей, в работе которого принимают участие носители японского языка, приглашаемые для преподавания в ДВГУ. Один раз в месяц при поддержке генерального консульства Японии и Центра по изучению японского языка в г. Хабаровске проводится расширенный семинар по проблемам преподавания японского языка среди преподавателей с привлечением специалистов из других высших учебных заведений города.

Кафедра японского языка при поддержке преподавателей Японского фонда проводит работу по организации самостоятельной работы студентов японского отделения. В рамках данной деятельности с 2003 г. ведёт работу «Клуб изучающих японский язык» 「日本語クラブ」, где организуются встречи студентов японского отделения со студентами и преподавателями из Японии. Подобные мероприятия, которые проводятся еженедельно, проходят в форме деловых игр, диспутов, круглого стола. Участие в работе клуба позволяет студентам не только развивать навыки разговорного языка посредством общения с носителями языка, но и знакомиться с реалиями современной Японии. Необходимо отметить, что благодаря работе преподавателей из Японии, курирующих работу со студентами,

за последние годы заметно повысилось качество знаний студентов, принимающих участие в работе вышеуказанного клуба.

Ежегодно на базе ДВГГУ и при поддержке Генерального консульства Японии, в Хабаровске проводится городской конкурс выступлений на японском языке, участниками которого становятся студенты старших курсов. Победители городского конкурса участвуют в региональном конкурсе выступлений, который 1 раз в 3 года проводится в Хабаровске.

С 1999 по настоящее время осуществляется обмен преподавателями с ниигатским университетом при поддержке префектуры Ниигата. За указанный период стажировку в Японии прошли: Пестушко Ю. С., Луныкина И. Ю., Анкудинова В. В., Басова О. С., Ефремова М. Н., Древетняк И. Ю.

Основными научными направлениями кафедры японского языка являются филология, социолингвистика, история. Факультет восточных языков ведет активное сотрудничество по дальнейшей подготовке специалистов в области страноведения и истории с кафедрой всеобщей истории ДВГГУ. Научная работа в этом направлении осуществляется в области исследования международных отношений на Дальнем Востоке и странах АТР в конце XIX — начале XX в. За последние три года при содействии кафедры всеобщей истории выпускниками Восточного факультета было защищено 2 диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 2003 г. — Пестушко Ю. С. — «Японо-российские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)», 2005 г. — Шулатов Я. А. «Российско-японские отношения в дальневосточной политике России (1905–1914 гг.)».

Е. А. Иконникова

(Сахалинский государственный университет,
г. Южно-Сахалинск)

Общий обзор состояния японистики в Сахалинском государственном университете

Повышенное внимание представителей дальневосточного региона России к Японии, с одной стороны, объясняется общемировыми и внутригосударственными тенденциями, с другой — обусловлено географическими и собственно историческими причинами (сложившимися в первой половине XX века условиями совместного проживания на Сахалине представителей русского и японского народа).

Современное состояние японистики в Сахалинской области, как и в целом по всей России, включает в себя практическое и академическое (фундаментальное) направления: первое, наиболее востребованное, связано с прикладным характером, возможностью реализации имеющихся знаний в области жизненного опыта и реальных потребностей; второе, более трудоемкое, основано на интеллектуальных ресурсах и предполагает конкретный научный вклад, чаще всего описательного, теоретического характера. В своем большинстве получение знаний о Японии на Сахалине идет, прежде всего, через межнациональные контакты различных социальных и профессиональных групп — журналистов, деятелей культуры, представителей власти, бизнеса и др.

В Южно-Сахалинске как городе областного масштаба (находящегося на российской окраине, но имеющего в своей истории так называемый «японский след» — период колонизации Южного Сахалина Японией) созданы условия скорее для практического, чем академического освоения японистики. Академическая японистика на Сахалине только начинает свой отсчет, который, вполне вероятно, в дальнейшем может лечь в анналы российской науки по дисциплинам востоковедения. Реализация контактов между Россией и Японией через образовательный и научные процессы возложена на профессорско-преподавательский состав Сахалинского государственного университета, ставшего в начале 1990-х годов пионером по подготовке профессиональных кадров со знанием японского языка.

Своеобразной точкой последующего зарождения научного интереса к Японии становится дата первого набора студентов на историческое отделение Южно-Сахалинского государственного педагогического университета.

ческого института (с 1998 года — Сахалинского государственного университета). Первый выпуск учителей истории со второй специальностью «японский язык» в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте состоялся в 1993 году (из двенадцати студентов, поступивших в институт по результатам вступительных экзаменов, весь курс обучения выдержали только пять человек).

За два года до первого выпуска специалистов со знанием японского языка в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте открылось отделение восточных языков (1991 год), в 1998 году (после реорганизации всего вуза) вошедшее в состав Института экономики и востоковедения Сахалинского государственного университета. С 1999 года в Институте экономики и востоковедения Сахалинского государственного университета, наряду со специальностью «учитель японского языка», готовят еще и бакалавров востоковедения со знанием японского языка. Обучение студентов по программам бакалавриата и специалитета осуществляют две кафедры Сахалинского государственного университета — кафедра восточных языков и кафедра литературы и культуры Востока.

Кроме Сахалинского государственного университета, подготовкой специалистов, владеющих японским языком, занимаются еще три высших учебных заведения в Сахалинской области — Южно-Сахалинский институт экономики, права и информатики, филиал Тихоокеанского государственного экономического университета и негосударственное образовательное учреждение институт «Сам Юк» (филиал аналогичного вуза в Республике Корея, образовательная деятельность которого, вероятно, будет прекращена в 2006 году).

На условиях дополнительного (факультативного) обучения японский язык преподается в пяти средних общеобразовательных школах Южно-Сахалинска: в восточном лицее при Сахалинском областном институте переподготовки и повышению квалификации кадров, гимназии № 1 им. А. С. Пушкина, в средней школе № 9 с углубленного изучения восточных языков и культур, в средних школах № 16 и № 26 (до 2004 года преподавание японского языка велось и в теперь уже закрытой средней школе № 15). Перечисленные школы являются единственными муниципальными учреждениями, на базе которых осуществляется педагогическая практика будущих учителей японского языка Сахалинского государственного университета.

Функции по формированию информационной базы по вопросам отечественной и зарубежной японистики выполняет и ряд культурно-образовательных учреждений Южно-Сахалинска, а именно:

1. основанный в сентябре 1996 года Японский центр (при котором проводятся семинары по различным аспектам экономики и хозяйственной деятельности, а также осуществляется конкурсный на-

бор на бесплатные курсы по обучению японскому языку занятого в инфраструктурах населения Южно-Сахалинска и его пригородов);

2. открытый в марте 2001 года на базе сектора литературы на иностранных языках Японский информационный центр при Сахалинской областной универсальной научной библиотеке;

3. функционирующий с октября 2002 года информационный центр при генеральном Консульстве Японии в Южно-Сахалинске.

Литературой по различным аспектам изучения Японии благодаря программе «Мегапроект» активно пополняются и фонды научной библиотеки Сахалинского государственного университета.

В пределах Сахалинской области Сахалинский государственный университет занимает доминирующее положение и как высшее учебное заведение, готовящее специалистов в области японского языка, и как региональный центр академической японистики. Благоприятные условия для развития академической японистики обозначаются в Сахалинском государственном университете в связи с подписанными и функционирующими договорами о научном и образовательном сотрудничестве с более чем десятью высшими учебными заведениями и учреждениями культуры Японии, преимущественно расположенными на Хоккайдо (факультет образования Хоккайдского университета в Саппоро, филиал Хоккайдского педагогического университета в Асахигава, отдел исследований музея Хоккайдского университета в Саппоро и др.)¹.

Промежуточные итоги развития японистики на Сахалине были подведены в сентябре 2003 года (16–17 сентября), когда Сахалинский государственный университет выступил инициатором проведения международной научно-практической конференции «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур»². Всего на конференции с участием российских и японских ученых было представлено около 60 докладов, в которых были затронуты самые разные аспекты сотрудничества между Японией и Россией: в области экономики (Л. С. Колесова, Е. В. Хадыкина), юриспруденции (Ю. И. Кулешов, Т. Б. Басова), истории (М. С. Высоков, М. И. Ищенко, В. В. Маленков), культурологии (С. В. Кадырова), философии (С. И. Лялькина),

¹ Подробнее об этом см. следующие статьи: Мисиков Б. Р., Корсунов В. И. 15 шагов навстречу друг другу (история сотрудничества с японскими вузами) // Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур: Материалы международной научно-практической конференции. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2003. — С. 21–24; Корсунов В. И. Сахалинский государственный университет: история сотрудничества с японскими вузами // Родина, № 10, 2005. С. 35; Б. Р. Мисиков. Шаги навстречу друг другу // Родина, № 10, 2005. С. 128–129.

² По итогам конференции был составлен и издан сборник докладов — Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур: Материалы международной научно-практической конференции. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2003. — 154 с.

литературоведения (Е. А. Иконникова, М. Р. Тарасова, Г. Н. Кудрявцева, Р. Д. Залпина), педагогики (А. Н. Джурицкий, С. Ч. Лим, Т. Р. Шаповалова, В. В. Колеганова), спорта (П. Н. Пасюков, Г. Я. и Т. Н. Шидловские) и др.

В 2005 году продолжена целенаправленная работа по участию ученых Сахалинского государственного университета в создании и реализации совместных с японскими коллегами научных проектов. Наиболее серьезными и интересными программами подобного сотрудничества можно считать международный симпозиум «История Карафутто глазами сахалинских и японских исследователей» (ноябрь 2005), международную научно-практическую конференцию «Качество жизни как цель и условие интеграционных процессов Азиатско-Тихоокеанского региона» (ноябрь 2005), международный семинар по теме «Нетрадиционные средства физической рекреации населения Сахалина и Хоккайдо» (июнь 2005), круглый стол по проблемам высшего образования на Дальнем Востоке (апрель 2005) и др.

Среди четко обозначенных направлений островной японистики — истории, педагогики, культуры и отчасти экономики — преобладающее значение в Сахалинском государственном университете имеют собственно исторические науки (отечественная история и археология). Так, в 2005 году профессором кафедры всемирной истории, доктором исторических наук А. А. Василевским был получен грант Правительства Японии на проведение археологических исследований, грант Японского Фонда с годичной командировкой в Славянский центр Хоккайдского государственного университета в этом же году был выделен профессору кафедры отечественной истории, доктору исторических наук М. С. Высокову, с февраля 2006 года начнется совместная работа по гранту историков Сахалинского государственного университета (доцентов кафедры отечественной истории, кандидатов исторических наук Е. Н. Лисицыной, М. В. Тетюевой, доцента кафедры общей педагогики и психологии, кандидата педагогических наук И. Р. Скоробач и др.) и специалистов Славянского центра Хоккайдского государственного университета по изучению Сахалина периода Карафутто. 15–16 февраля 2006 планируется подписание соглашения о сотрудничестве между учеными Сахалинского государственного университета и Славянского Центра Хоккайдского государственного университета.

Весомый вклад в изучение истории русско-японских отношений на Сахалине и на Курильских островах вносят работы сотрудников Сахалинских архивов и музеев: кандидатов исторических наук А. И. Костанова, И. А. Самарина, В. М. Латышева, И. А. Цупенковой и многих других. В хранилищах трех музеев Южно-Сахалинска

имеется достаточно большое количество экспонатов, относящихся к эпохе Карафутто. Здания Сахалинского областного краеведческого музея и Сахалинского областного художественного музея являются памятниками японской архитектуры: первое расположено в построенной японцами библиотеке, второе занимает помещение бывшего японского банка.

В музее книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» представлено значительное количество материалов, связанных с исследованием японскими учеными чеховского наследия и периода пребывания русского писателя на острове каторжан. Сотрудники музея поддерживают научную переписку с такими японскими чеховедами, как Нобуюки Накамото и Дзюн Макихара. «Японские» архивы музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» уже сегодня могут составить основу для научных изысканий и лингвистов, и литературоведов Сахалинского государственного университета. Но филологическое направление в островной японистике пока еще не представлено на должном уровне.

Попытки поисков собственных методик преподавания японского языка обозначены в вышедшем в 1993 году учебном пособии одной из первых выпускниц отделения восточных языков на Сахалине Е. Н. Штельмашенко. В ее книге «Пишем по-японски. Азбука хирагана»³ представлена оригинальная методика преподавания основ японской письменности младшим школьникам.

Историческая составляющая японистики на Сахалине оказывается преобладающей над другими научными направлениями. Научная основательность и объективность островных историков высоко оценивается и их японскими коллегами. Одним из доказательств этого становится то, что многие работы сахалинских авторов (в числе которых прежде всего ученые Сахалинского государственного университета) переведены на японский язык. Показательным образцом является учебник в трех частях по «Истории Сахалинской области с древнейших времен и до наших дней» (авторы — М. С. Высоков, В. А. Голубев, Н. И. Колесников, А. М. Лопачев, Л. С. Тварковский), изданный в 2000 году в Японии.

Педагогическое, культурологическое и экономическое направления в островной японистике отмечены исследованиями профессорско-преподавательского состава Сахалинского государственного университета — Б. Р. Мисикова, В. И. Корсунова, В. С. Высокова, А. А. Василевского, С. Ч. Лим, Р. С. Пархоменко, П. Н. Пасюкова,

³ Штельмашенко Е. Н. Пишем по-японски. Азбука хирагана. — Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСПИ, 1993.

Е. А. Иконниковой, Н. М. Савостина и др. Последние годы работы ученых Сахалинского государственного университета представлены и на страницах различных японских изданий — по археологии, экономике, образованию, литературоведению и др.

Несмотря на активно проводимые мероприятия по проблемам японистики и реализацию соответствующих программ, одной из важных задач в Сахалинском государственном университете продолжает оставаться появление собственных научных кадров, специализирующихся на изучении японского языка и культуры, истории, экономики и многого другого.

Е. Е. Малинина

Новосибирский государственный университет

Японистика в Новосибирске

Сегодня уже никто не сомневается в насущной необходимости подготовки для сибирского региона специалистов-востоковедов, прежде всего в области культуры, языка, экономики, философии Китая, Японии, Кореи.

К настоящему времени в Сибири сложился крупнейший за Уралом востоковедческий центр, немалая заслуга в формировании которого принадлежит Новосибирскому государственному университету, который располагает соответствующей учебно-материальной базой и высококвалифицированными кадрами преподавателей для подготовки профессионалов-востоковедов по историческому и филологическому направлениям: исследователей, преподавателей восточных языков, переводчиков, специалистов по межкультурному общению.

Спецификой и несомненным преимуществом университета является его инкорпорированность в Новосибирский научный центр, главными принципами деятельности которого являются взаимодействие наук и комплексный подход, непосредственная связь с практикой, особое внимание подготовке кадров. При таком подходе обеспечивается тесное творческое сотрудничество с профильными институтами Сибирского отделения Российской Академии Наук, с коллективами самых разных специалистов.

В Новосибирском госуниверситете имеется почти 35-летний опыт преподавания студентам гуманитарного факультета китайского и японского языков. Для этих студентов был разработан комплекс основных и специальных востоковедных курсов в рамках существующих специальностей (история, филология), а с середины 70-х годов фактически ведётся научная специализация по востоковедению.

В 1995 г. по решению Учёного совета НГУ на базе гуманитарного факультета было открыто отделение востоковедения со специализацией по истории и трём основным языкам — китайскому, японскому и корейскому. В 1999 г. была создана кафедра востоковедения ГФ НГУ, объединившая специалистов, связанных с Востоком, историков и филологов, всего 25 человек.

На отделении востоковедения традиционно держится очень высокий конкурс среди абитуриентов, в последние годы — самый высокий по НГУ. Фундаментальная подготовка по языку, основным и специальным предметам позволяет получить базовые углубленные знания и навыки, необходимые востоковеду.

Для занятий разговорным языком постоянно приглашаются преподаватели-носители языка, многие из них проработали на добровольной основе по году и больше. С 2000-го года в НГУ регулярно приезжают работать по контракту по линии Японского Фонда специалисты в области преподавания японского языка. В 2000–2001 годах разговорную практику вел Фукусима Сэйдзи, в 2002–2003 — Исида Хидэаки, сейчас с нами сотрудничает Фуками Ютака. С 2000 г. в штате кафедры работает филолог-славист Судо Кадзуаки. Специалисты из Японии обеспечили новый, очень высокий уровень преподавания разговорного языка. За время существования отделения востоковедения студенты НГУ неоднократно занимали призовые места и побеждали на самых престижных конкурсах по японскому языку, а также выигрывали различные гранты и стипендии.

С 2001 г. при кафедре востоковедения активно функционирует Ориент-Центр, где студенты отделения востоковедения и других факультетов НГУ могут по желанию изучить второй восточный язык или прослушать какой-либо культуроведческий курс по выбранному направлению.

Успешно развиваются международные отношения кафедры востоковедения с японскими университетами Тояма и Тохоку. В 2001 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования и науки между гуманитарным факультетом НГУ и гуманитарным факультетом университета Тояма. Студенты старших курсов имеют возможность поехать на годовую стажировку в Японию, а также на международные студенческие семинары и форумы. За последние годы из НГУ было отправлено на длительную стажировку в Японию для выполнения научной работы уже 6 студентов.

С особой силой следует подчеркнуть активную деятельность преподавателей НГУ в научной работе: осенью 2005 г. был завершён 2-й выпуск сборника «Вестник НГУ», где были опубликованы исследования по актуальным вопросам теоретического и практического востоковедения, а также рецензии новых работ отечественных востоковедов и ряд переводов произведений классической литературы, не известных пока российскому читателю. Основную долю авторов «Вестника» составили сотрудники кафедры (16 чел.), однако среди авторов было несколько специалистов из ведущих востоковедных ВУЗов Москвы, СПб, Красноярска, Владивостока. Сотрудники кафедры активно участвуют в составлении учебных программ и но-

вых курсов, в написании статей и монографий, в участии в различных конференциях, в подготовке студенческих публикаций в сборниках МНСК.

Труды наших преподавателей востребованы также и центральными издательствами — в тематиках крупнейшего московского востоковедного издательства «Восток-Запад» указаны учебные пособия и монографии по различным проблемам японского языка Фроловой Е. Л., Кутафьевой Н. В., Судо Кадзуаки. Практически постоянным сотрудником московского журнала «Восточная коллекция» при Российской государственной Библиотеке стала н. ф. н., доцент кафедры востоковедения Малинина Е. Е., опубликовавшая на страницах этого издания целый ряд исследований, посвящённых различным аспектам духовной культуры Японии. Петербургским издательством «ВЕСЬ» к изданию подготовлена монография Малининой Е. Е. «Искусство, рождённое Безмолвием», основанная главным образом на материалах, собранных исследователем во время пребывания в Японии по приглашению Японского Фонда (1998–1999 гг.). Монография представляет собой первый в российском востоковедении опыт комплексного подхода к феномену дзэнского искусства и обращается к темам и проблемам, практически не изученным в отечественном востоковедении (глубокое и всестороннее изучение, например, творческого наследия дзэнского монаха и художника Сэсю, чей универсальный дар живописца-философа распространяется не только на живопись, но и на искусство садов).

Одной из приоритетных сфер научной деятельности кафедры востоковедения является изучение истории, особенностей развития, типологических особенностей китайского, японского, корейского языков. Совсем недавним событием стала защита в декабре 2005 г. кандидатской диссертации преподавателя кафедры востоковедения с 2000 г. Кутафьевой Н. В., посвящённой особенностям научно-технического стиля в японском языке (тема диссертации: «Типовое строение фразы в японском научно-техническом тексте»). Преподавателем японского языка с 1996 г. Фроловой Е. Л. разработаны и апробированы 2 авторских спецкурса, по результатам работы над которыми созданы 2 монографии: «Японский язык. Имя собственное» и «Японский язык. Эпистолярный стиль». Проблема категории вежливости японского языка (кэйго) в сравнении с корейским языком в социолингвистическом аспекте — предмет исследования г-на Судо Кадзуаки, работающего на кафедре с 2000 г.

Изучение археологии и этнографии Китая, Японии и Кореи в контексте центрально-азиатских культурных взаимодействий; изучение культурно-исторических традиций Китая и Японии, а также истории культуры, искусства, литературы и философии стран Востока

тоже следует назвать в числе самых приоритетных направлений научной деятельности сотрудников кафедры востоковедения. Одним из преподавателей, обеспечивающих развитие этого направления, является к. ф. н., доцент Войтишек Е. Э., заведующей кафедрой в настоящее время. В рамках исследования специфики восточного менталитета Войтишек Е. Э. проводятся исследования, которые позволяют определить место и значение игрового поведения и интеллектуальных развлечений в традиционной духовной культуре стран юго-восточного региона. Активная научная и просветительская деятельность Малининой Е. Е. началась задолго до создания кафедры востоковедения — сразу после защиты в ИВ РАН в 1989 г. кандидатской диссертации по проблеме русско-японских литературных связей. Авторские лекционные курсы, созданные ею («История японского искусства» и «История японской литературы»), дают широкую панораму духовной культуры Японии с древнейших времён до современности и читаются во многих аудиториях не только российских ВУЗов, но и зарубежом. Малинина Е. Е. — автор многочисленных научных исследований, посвящённых различным проблемам дзэнского искусства и литературы, переводов японской художественной литературы на русский язык.

К. филос. н., доцент Ожогин В. И., читающий в НГУ целый ряд лекционных курсов («История восточной философии», «Философско-религиозные системы Востока», «Культурология Востока» и др.), является автором более 30 наиболее репрезентативных работ, посвящённых сравнительной культурологии, проблемам японского языка, истории японской литературы. Большое внимание в своих исследованиях он уделяет проблеме своеобразия восточных типов ментальности, в частности, так называемого «иероглифического мышления». Исследует малоизвестные страницы истории русско-японских культурных связей, опубликовал ряд переводов на русский язык источников по истории культуры Востока.

Востоковедение, в частности японистика, остаётся одной из самых перспективных и востребованных направлений в научной деятельности НГУ. В целях дальнейшего развития, однако, предстоит решить ряд задач, среди которых важнейшими следует признать совершенствование подготовки высокопрофессиональных специалистов в области истории, культуры, языка стран Дальнего Востока; активизация научно-исследовательской работы преподавателей и студентов; улучшение материально-технического и учебно-методического обеспечения учебного процесса.

Большинство выпускников университета, прошедших подготовку на отделении востоковедения НГУ, активно используют полученные

знания в своей профессиональной деятельности, в том числе в научной и преподавательской работе. В течение целого ряда лет выпускники отделения востоковедения успешно работают как преподаватели японского и китайского языков в вузах, учебных центрах и языковых школах Новосибирска; некоторые являются аспирантами ведущих российских востоковедческих центров Москвы и Санкт-Петербурга. Ряд выпускников являются научными сотрудниками Института Археологии и Этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук, успешно сотрудничая с коллективами самых разных специалистов — с археологами, этнографами, филологами, историками, палеонтологами, генетиками, перед которыми стоит задача представить этнокультурную историю огромного региона Центральной и Восточной Азии. В Институте Археологии и Этнографии СО РАН имеется базовое научное подразделение — сектор истории и археологии стран зарубежного Востока, сотрудниками которого по большей части являются выпускники отделения востоковедения НГУ.

Под руководством академика Деревянко А. П. (директора Института Археологии и Этнографии; академика-секретаря по гуманитарному направлению РАН), которому принадлежит монография «Палеолит Японии» (Новосибирск, Наука, 1984), сотрудники сектора палеолита занимаются изучением важнейших палеолитических комплексов Японии, рассмотрением природной обстановки на архипелаге в плейстоцене, проблемой заселения этой территории в нижнем палеолите, периодизацией и корреляцией памятников верхнего палеолита.

Также в Институте Археологии и Этнографии занимаются изучением проблем раннего железного века и средневековья восточной Азии, проблем взаимодействия древних культур континента и японского архипелага (Нестеров В. П. и др.).

Диапазон научных интересов в сфере японоведения в Новосибирске широк: он включает в себя и музыкальную культуру. В ноябре 1994 года при Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки был создан — первый в России — Новосибирский городской центр японской музыкальной культуры. Для научно-творческого руководства Центром и развития музыковедческой японистики в Новосибирской консерватории ректором — профессором Е. Г. Гуренко — был приглашен из Ташкентской государственной консерватории (Узбекистан) один из немногих профессиональных музыковедов-японистов бывшего СССР — кандидат искусствоведения, доцент М. Ю. Дубровская. В ее активе к тому времени была защищенная в 1985 году в г. Москве кандидатская диссертация — первое в России исследование, посвященное музыке выдающихся явлений традиционного театра Японии (Но и Кабуки).

Работая с сентября 1994 г. в должности доцента кафедры этномызыкознания НГК им. М. И. Глинки, М. Ю. Дубровская осуществляет руководство Новосибирским Городским центром японской музыкальной культуры при НГК им. М. И. Глинки в следующих направлениях: изучение, исследование, преподавание и пропаганда музыкальной культуры Японии в России. За прошедшие 11 лет ею и ее коллегами — профессорами и студентами Новосибирской консерватории, исполняющими японскую музыку, — проведено более ста публичных концертов в концертных залах Новосибирска, Москвы, Саппоро. М. Ю. Дубровской прочитаны сотни просветительских лекций о японской музыке и исторических контактах японских и русских музыкантов горожанам Новосибирска, Москвы, Саппоро, Токио; осуществлены многочисленные выступления в российской и японской печати, на радио и телевидении.

В 2000–2001 гг. (около пяти месяцев) М. Ю. Дубровская, работавшая над докторской диссертацией, в исследовательских целях выехала в г. Токио (Япония) по гранту Японского Фонда для сбора необходимого материала. Анализ собранного в Японии материала дал исследованию М. Ю. Дубровской необходимую источниковую базу: результатом ее трудов было написание и публикация с помощью издательского гранта Японского Фонда первой вышедшей в свет в России книги о японской музыке на русском языке: фундаментальной (572 с.) монографии «Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы». В начале 2005 г. М. Ю. Дубровской была успешно защищена первая в российском этномызыковедении докторская японоведческая диссертация, посвященная важному и почти неисследованному международным музыкознанием периоду возникновения новой музыкальной культуры Японии. Целью диссертационного исследования М. Ю. Дубровской стало выявление ведущих тенденций формирования национальной композиторской школы Японии в контексте развертывания японской музыкальной культуры Нового времени; рассмотрение становления и развития музыкальных закономерностей национального композиторского творчества в начальный период функционирования японской композиторской школы на примере сочинительской деятельности одиннадцати виднейших ее представителей периода конца XIX — первой половины XX вв., в первую очередь, в лице ее основоположника — Ямада Косаку (1836–1965).

С появлением названных трудов и многочисленных статей М. Ю. Дубровской, опубликованных в научных сборниках, российское японистическое этномызыкознание обогатилось новым направлением исследований, связанным с так называемой нетрадиционной — композиторской культурой Японии.

Молодое научное музыкальное японоведение в Новосибирске заявило о себе в 2002 году успешной защитой кандидатской диссертации Е. В. Южаковой (г. Новокузнецк), продолжившей — вслед за ее научным руководителем М. Ю. Дубровской — исследование проблематики искусства *ногаку*. Целью этой научной работы стало «описание музыкально-художественной системы театра Но с выявлением основополагающих черт музыкальной организации феномена в аспекте исторического становления и развития».

В 2003 г. в научном совете Новосибирской консерватории была успешно защищена еще одна японоведческая кандидатская диссертация — Н. И. Чабовской (г. Томск), научный руководитель — доктор иск., профессор С. П. Галицкая. Автор в этом исследовании рассматривает историю развития основных профессиональных школ и жанров традиционной сольной музыки кото *данмоно*, а также инструментальных ансамблей с кото *каэдэ сики сокёку*.

И, наконец, последней по времени — из подготовленных на кафедре этномызыкознания и успешно защищенных в совете Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки — диссертаций в сфере музыковедческой японистики, стала кандидатская диссертация О. В. Жуковой, защищенная летом 2005 года. Она посвящена «выявлению ведущих стилистических закономерностей музыкального языка романсов Дан Икума — одного из ведущих композиторов современной Японии — в контексте проблемы «композитор-фольклор». В научных работах О. В. Жуковой, как и другой аспирантки М. Ю. Дубровской — Е. А. Снежковой (г. Кострома) — вслед за научным руководителем предпринимается первая в музыкознании (в том числе, в российском) попытка изучения и систематизации характерных явлений современного японского композиторского творчества, которое вписывается в многоцветную творческую палитру течений и направлений мировой композиторской культуры XX столетия.

Сейчас можно с уверенностью констатировать, что в Новосибирске состоялась новая российская волна японистического музыкознания, демонстрирующая наибольшую на нынешнем этапе активность и продуктивность в отечественном музыкальном японоведении.

Очерк о состоянии японистики в Новосибирске был бы не полным, если не упомянуть активную и разностороннюю деятельность муниципального культурного центра «Сибирь-Хоккайдо», существующего с 1995 г. и взявшего на себя главным образом просветительские функции: быть пропагандистом японской культуры, формировать и поддерживать атмосферу и без того глубочайшего интереса и востребованности новосибирцев к различным сторонам духовной жизни японского народа.

Японистика в Санкт-Петербурге

Становление и развитие японистики в России напрямую связано с городом на Неве. В 2005 г. исполнилось 300 лет преподаванию японского языка в России и Санкт-Петербурге. Этой дате была посвящена научная конференция, которая прошла в Санкт-Петербургском государственном университете.

Настоящий доклад ограничен временными рамками: с 80-х годов XX столетия до сегодняшнего дня. На это время приходится крутая ломка всей социально-экономической системы страны, что, естественно, не могло не сказаться на состоянии японистики в России в целом, и в Санкт-Петербурге, в частности.

Исторически так сложилось, что при Советском Союзе в Ленинграде было четкое разделение на преподавание (Ленинградский государственный университет) и научные исследования (Ленинградский филиал институт востоковедения АН). Основным и единственным заказчиком научных изысканий выступало государство.

В институте востоковедения основное внимание уделяли изучению тем, которые входили в круг классического востоковедения. Это было обусловлено в немалой степени тем обстоятельством, что в стенах института хранятся рукописи и ксилографы. На 80-е годы, вероятно, приходится пик развития Института: трудилось 11 японистов, затрагивался широкий круг проблем лингвистики, идеологии, истории, культуры, литературы, буддизма. На примере судьбы этих людей наглядно предстает история исследований в Санкт-Петербурге.

Михаил Васильевич Воробьев, мой Учитель, специалист по древней истории Японии и сопредельных стран. Опубликовал десять монографий, не считая множества статей. Большой вклад внес в изучение средневекового права в отечественном японоведении. Он был честью и совестью института. Кстати, он ни разу не побывал в стране изучаемого языка. И причиной тому, вероятно, была самостоятельность в суждениях и острый язык. Умер в 1995 г.

Владислав Никанорович Горегляд не нуждается в представлении. Он на протяжении долгого времени возглавлял сектор Дальнего Востока и кафедру японской филологии на Восточном факультете

Санкт-Петербургского государственного университета. Круг его научных интересов невозможно с точностью представить: литературоведение, средневековый буддизм, российско-японские отношения, идеология и культура и т. д. В. Н. Горегляд выезжал в Японию по линии Японского фонда. К сожалению, в 2002 г. он ушел из жизни. М. В. Воробьев и В. Н. Горегляд составляют гордость не только Санкт-Петербургского, но и отечественного японоведения.

Зиновий Яковлевич Ханин специализировался на изучении дискриминируемых меньшинств в Японии (*хинин, эта, буракумин*). Написал и выпустил в свет несколько монографий по этой теме. Хотя З. Я. Ханин и был членом партии, но, тем не менее, ни разу не был в Японии. В конце 80-х годов выехал в США на постоянное место жительства, где и сейчас проживает.

Галина Дмитриевна Иванова, ученица Н. И. Конрада, являла собой образец русского интеллигента. Никогда не повышала голос, никуда не спешила и не стремилась засвидетельствовать почтение очередному «историческому деятелю». Круг ее научных интересов был чрезвычайно широк: литературоведение, судьба Котоку Сюсуй, переводы произведений японских писателей (прежде всего, Мори Огай), русско-японские отношения во второй половине XIX — начале XX в. Одиноким человеком, полностью посвятивший себя японоведению. Выезжала в Японию по линии Японского фонда. В тяжелые времена безденежья читала лекции в частном Восточном институте. С трудом вписывалась в новые условия жизни, не желая тратить время на подработки. Ушла из жизни летом 1999 г., на пороге третьего тысячелетия.

Вера Николаевна Кобец исследовала творческое наследие Фукудзава Юкити. Защитила диссертацию на эту тему. В середине 80-х годов ушла из института и японистики.

Георгий Георгиевич Свиридов много времени уделил изучению прозы *эсэва*. По этой теме он опубликовал монографию. Успешно занимался переводом на русский язык современных японских писателей, снискал уважение среди японских русистов. Исполнял обязанности научного секретаря Института. Выезжал в Японию по линии Японского фонда. Во время стажировки в университете Окаяма произошло обострение почечной болезни. Необходимость регулярно проводить диализ крови вынудила его остаться в Японии, где он и умер в декабре 1998 г. практически в одно и то же время с отцом, известным композитором Ю. Свиридовым.

Юлия Дмитриевна Михайлова занималась изучением общественной мысли, движением «*дзюю; минкэн ундо*», творческим наследием Мотоори Норинага. Опубликовала монографию по этой теме. В конце 80-х годов была вынуждена, как и многие другие научные

сотрудники, искать дополнительного заработка в частном Восточном институте, в педагогическом институте имени Герцена. В начале 90-х годов, не желая терять профессии в постоянных поисках дополнительного заработка, выехала работать вначале в Австралию, а затем в Японию. Работает в Хиросимском муниципальном университете. Выезжала в Японию по линии Японского фонда.

Александр Владимирович Вовин в середине 80-х годов пришел в институт со студенческой скамьи, защитил диссертацию в 1987 г. Быстро прогрессировал. В конце 80-х гг. эмигрировал в США. Сейчас работает, насколько мне известно, в Гавайском университете.

Карине Генриховна Маранджан поступил в аспирантуру института в конце 70-х годов. В середине 80-х защитила кандидатскую диссертацию. Специализируется на исследовании общественной мысли Японии в период Токугава. Очень требовательный к себе исследователь. Опубликован ряд работ по творчеству Огу Сорай и других мыслителей периода Токугава, прежде всего неоконфуцианского толка. Продолжает работать в институте. Также успешно преподаёт в частном Восточном институте, Академии культуры. Карине Генриховна стажировалась в Японии по линии Японского фонда.

Кабанов Александр Михайлович посвятил много сил изучению литературе «*годзан бунгаку*» и дзэн-буддизму. Много работ опубликованы им на эти темы. Кроме того, им сделаны переводы многих научных исследований западных коллег и художественных произведений японских писателей. На протяжении долгого времени он преподавал в Восточном институте, благодаря которому смогли буквально выжить в сложное время научные сотрудники Института востоковедения в Ленинграде. Александр Михайлович ни единожды был в Японии, в том числе и по линии Японского фонда.

Торопыгина Мария Владимировна закончила аспирантуру в Институте под руководством Владислава Никаноровича. Посвятила себя средневековой литературе. Защитила кандидатскую диссертацию по «Гикэйки». До переезда в Москву успела опубликовать монографию и целый ряд статей по изучаемой теме. В настоящее время живет и трудится в Москве в Институте востоковедения РАН.

Климов Вадим Юрьевич поступил в аспирантуру Института в начале 80-х годов. Основная тема исследования — народные движения в средние века в период Муромати. В 1999 г. перешел работать в Санкт-Петербургский государственный университет на Восточный факультет кафедру истории стран Дальнего Востока. Выезжал в 1985—86 гг. на стажировку по линии Японского фонда. В настоящее время готовит к защите докторскую диссертацию по религиозному движению «икко-икки».

Итак, на сегодняшний день из 12 перечисленных сотрудников Института только двое активно продолжают работать, четверо человек из старшего поколения ушли из жизни, двое эмигрировали в США, один в Австралию, позже в Японию, один перешел в Санкт-Петербургский университет. Конечно же, научный потенциал несопоставим со временем 80-х годов. Это вызвано изменением отношения государства к Академии наук, в целом к науке, и к японистике, в частности. В связи с коммерциализацией всех видов деятельности, государство практически перестало финансировать исследования, связанные с классическим востоковедением, фундаментальным изучением традиционных обществ Востока. Те деньги, которые выделяются в форме грантов и носят временный характер, конечно же, не могут поддерживать на прежнем уровне и в прежних объемах научные изыскания. Если раньше, в советские времена, научным сотрудникам выделялись средства на две командировки в год для участия в конференциях, работы в архивах и библиотеках других городов Советского Союза по плановой теме с оплатой проживания в гостинице, проездом туда и обратно и суточных, то сейчас об этом не приходится и мечтать. Показательно, что в Санкт-Петербургском отделении института востоковедения сейчас нет аспирантов, хорошо владеющих японским языком и желающих посвятить жизнь изучению истории, культуры Японии.

Помимо института востоковедения научные исследования ведутся в других учреждениях Академии наук. В этнографическом институте, чаще именуемой «Кунсткамерой», успешно работает Александр Юрьевич Синицын, выпустивший несколько книг и проведший несколько выставок у нас в стране и за рубежом. В библиотеке Академии наук проводят время от времени научные конференции, посвященные Японии. В Эрмитаже хранится большая коллекция японского прикладного искусства. Ранее ответственным хранителем был М. Успенский, успевший выпустить несколько монографий по искусству *укиёэ*, *нэцукэ*, а также ряд статей. В настоящее время этот фонд возглавляет Алексей Михайлович Боголюбов, который интересуется не только японским искусством, но и русско-японскими отношениями. В Санкт-Петербурге есть коллекции и в других музеях: Военно-морской, артиллерийский (ответственный хранитель японского фонда Петр Владиславович Горегляд, сын известного япониста) и др. В национальной библиотеке, библиотеке Восточного факультета, рукописном фонде Института востоковедения, Кунсткамере хранятся коллекции рукописей, ксилографов, фотографий, свитков, которые ждут своего исследователя. Кстати, каталог рукописей и ксилографов, находящихся в библиотеке Восточного факультета, описала и опубликовала Мария Владимировна Торопы-

гина. Кроме того, в Санкт-Петербурге находятся Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив военно-морского флота, архив Академии наук и ряд других архивов. В них до сих пор хранятся неизученные документы по русско-японским отношениям, ждущие своего исследователя.

Вторым центром, который в прежние времена исполнял роль, прежде всего центра подготовки профессиональных кадров японистов, являлся и продолжает таковым быть, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь дела обстоят гораздо лучше, потому что он лучше финансируется государством, потому что факультет может зарабатывать деньги за счет формирования коммерческих групп студентов, потому что университет считается национальным достоянием. С распадом Советского Союза интерес к Японии, особенно к японскому языку не исчез, а даже, может быть, возрос. Спрос на японский язык, хоть и снижается, по моим наблюдениям, в последнее время, но все еще в Петербурге остается. Много желающих среди молодых людей учить язык. Этими причинами можно объяснить небольшое увеличение численного состава преподавателей. Студенты получают образование на двух кафедрах: японской филологии и истории стран Дальнего Востока. Прием абитуриентов, за некоторым исключением, ведется на каждую из кафедр через год: в наступившем году будут приниматься на кафедру японской филологии, в будущем на историческую. На кафедре истории стран Дальнего Востока учатся не только студенты, изучающие Японию, но и Китай, Тибет, Монголию, Корею, Вьетнам, Таиланд, Индию, а в прежние времена, до смерти Павла Михайловича Мовчанюка, и Индонезии. Помимо педагогической нагрузки, а она исчисляется по количеству часов занятий, проведенных только в бюджетных группах, преподаватели по старой традиции ведут научную работу. На кафедре японского языка в свое время работали известные ученые — Евгения Михайловна Пинус, Владислав Никанорович Горегляд, Дагмара Павловна Бугаева, талантливые педагоги — Андрей Андреевич Бабинцев. Галина Николаевна Максимова сейчас находится на пенсии, но связь со своими учениками не теряет и принимает активное участие в жизни факультета. Сейчас кафедру возглавляет Виктор Викторович Рыбин, уделяющий все свое время работе со студентами и научным изысканиям. В последнее время подросла целая плеяда молодых педагогов, которые еще скажут свое слово в японистике. Павлов Игорь Валерьевич разрабатывает тему «Женский поток или литература женского сообщества в Японии». Ибрагим Инга Самировна защитила в Японии докторскую диссертацию по теме «Просодические способы выражения эмоции в японском языке». Кудоярова Татьяна Николаевна исследует язык совре-

менной японской молодежи, словообразовательные способы и особенности. Хронополо Лиала Юрьевна работает над кандидатской диссертацией «Семантика побуждения и средства ее выражения». Елизавета Витальевна Силина занимается литературоведением.

На исторической кафедре в свое время работал известный историк японист Давид Исаакович Гольдберг, занимавшийся рабочим и социалистическим движением, историей войны на Тихом океане. Продолжает активно преподавать будущим историкам-японистам легенда Восточного факультета, педагог с большой буквы, хранительница традиций факультета, учитель всех без исключения питерских ученых Любовь Васильевна Зенина. Виктор Александрович Филиппов недавно защитил докторскую диссертацию «“Три большие реформы” и процессы эволюции японского общества второй половины эпохи Эдо». Османов Евгений Магомедович в прошлом году защитил кандидатскую диссертацию, посвященную становлению современной японской армии после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи. Сергей Хазбиевич Булацев готовится к защите кандидатской диссертации в этом году. Строева Мария Васильевна активно разрабатывает тему японской дипломатической миссии 1874–1876 гг. в Санкт-Петербурге. Климов Вадим Юрьевич готовит к защите докторскую диссертацию по религиозному движению *икко-икки*. В отличие от института востоковедения на обеих кафедрах есть аспиранты, и есть надежда, что у японистики в Санкт-Петербурге есть будущее. Все преподаватели Восточного факультета, несмотря на большую педагогическую нагрузку, находят время активно заниматься научными исследованиями. Одна из особенностей настоящего времени заключается в том, что практически все молодые преподаватели стажировались в Японии, о чем мы в свое время и не могли мечтать.

Также и на других факультетах стали преподавать японский язык: философский, международных отношений.

Помимо Санкт-Петербургского государственного университета японский язык начали преподавать и в других высших учебных заведениях. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена существует уже два столетия. По этому университету можно изучать зарождение, развитие и становление педагогического образования в России. Это учебное заведение представляет собой многопрофильный уникальный научно-образовательный комплекс, в нем исповедуются принципы сохранения и развития лучших традиций академической науки и образования. 21 января 1991 Ленинградский государственный педагогический институт был аттестован в качестве университета. В его составе в настоящее время более 20 факультетов и 100 кафедр, а также несколько институтов и

центров, в том числе Лингвистический центр, при котором создана кафедра восточных языков. На ней преподаются помимо японского языка, китайский, корейский и арабский. Шесть преподавателей японского языка готовят учителей и переводчиков японского языка. Одним из ведущих преподавателей языка является Олянюк Ольга Владимировна. Обучение ведется с 1995 г. первоначально как второй иностранный язык.

Санкт-Петербургский университет культуры и искусств основан в 1918 г. На информационно-библиотечном факультете существует кафедра иностранных языков, которую возглавляет Ирина Исаевна Бас, одна из авторитетнейших японисток Санкт-Петербурга. Она подготовила докторскую диссертацию к защите. Кроме того, японский язык преподают на факультете культурной антропологии и социологии. Многие ученики Ирины Исаевны, несмотря на то, что количество занятий языком гораздо меньше, чем на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, успешно работают как в стране, так и за ее пределами.

Восточный институт. В 1989 г. в Ленинграде впервые, наверное, в стране было создано негосударственное высшее учебное заведение — ВГК (Высшие Гуманитарные Курсы), а через год в 1990 г. был открыт восточный факультет, где стали готовить специалистов по языкам и культурам стран Азии — Японии, Китая, Индии, арабских стран. В 1994 г. был образован Восточный институт. Учредителями выступали Институт образования взрослых РАО и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. В 1995 г. он получил лицензию Государственного комитета РФ по высшему образованию. Преподавание японского языка ведется на кафедре японского языка. Основными преподавателями являются Наталья Андреевна Маслова и Карине Генриховна Маранджан. Студенты обучаются по пятилетней программе.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов — негосударственное некоммерческое высшее учебное заведение, учрежденное федерацией независимых профсоюзов России и Межрегиональным объединением «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области». Университет создан в 1991 г. на базе Высшей профсоюзной школы культуры. Японский язык преподается с 2001 г. на факультете искусств (кафедре искусствоведения) и на экономическом факультете по специальности социально-культурный сервис и туризм. Студенты изучают японский язык в течение трех лет. Ведущий педагог — Юрий Васильевич Козлов.

Русский христианский гуманитарный институт основан 1989 г. Учредителями института были Российская Академия образования (Северо-Западное отделение), Институт русской литературы (Пуш-

кинский дом), Санкт-Петербургская Духовная академия. Лет восемь назад была создана кафедра стран Востока (японистика, индология, китаеведение, исламоведение, арабистика). Значительное место занимает изучение буддизма. В основном занятия ведут ведущие специалисты института востоковедения. Обучение ведется по пятилетней программе.

Начали преподавать японский язык в финансово-экономическом институте.

Интерес к Японии стал побудительным мотивом при создании школ с обучением японского языка. В 1990 г. в школе № 583 начали обучать японский язык детям с первого класса, годом позже в школе № 83, позже в школах № 27 и № 631. Существуют и другие школы, где пытались организовать преподавание языка. Но по различным причинам не смогли закрепить первоначальный успех.

Несколько лет назад в Санкт-Петербурге открылся Японский центр. В нем бесплатно ведутся занятия по японскому языку японскими и русскими преподавателями. Среди последних прежде всего хочется упомянуть Валентину Александровну Калинин, имеющий богатый опыт преподавания языка как взрослым, так и детям. Она начала обучение языку в школе 83, известную как «бара-но гакко».

Тот же самый интерес простых людей к Японии объясняет появление издательств, специализирующихся на издании популярной литературы, то есть такой печатной продукции, которую можно продать на рынке. Публикация серьезных научных исследований без финансовой поддержки со стороны государства или различных фондов заведомо убыточна. Сложившийся спрос на рынке определил то положение вещей в японистике в Санкт-Петербурге, какой есть на настоящее время.

Свободная дискуссия

В ходе свободной дискуссии участники высказали свои пожелания в адрес работы Японского Фонда (ЯФ), рассказали о своих настоящих нуждах, обменялись мнениями в режиме on-line с представителями Японского Посольства и Японского Фонда.

Все участники дискуссии начинали свои выступления с выражения признательности Японскому Посольству и Японскому Фонду, неизменно поддерживающим российских японистов.

Симонова-Гудзенко Е. К. (заведующая кафедрой Истории и культуры Японии, ИСАА при МГУ):

Я хотела бы, прежде всего, поблагодарить ЯФ за предоставленную нашим студентам возможность послушать лекции ведущих японских специалистов — Нодзима Ёко, Хотатэ Митихиса, Сато Макото. Кроме того, у меня есть два предложения. **Первое**, существует пробел — наши студенты плохо знают труды японских историков. Этот пробел мог бы восполнить проект по переводу работ японских историков. **Второе**, у нас нет совместных сборников японских и российских ученых. Совместный тематический сборник позволил бы увидеть проблему с двух сторон.

Профессор Подлесская В. И. (РГГУ):

Основным направлением в деятельности Японского Фонда должна быть поддержка молодых ученых. И Японский Фонд осуществляет такие важные программы как «Конкурс на стипендии Японского Фонда», «Типологическая школа», за что мы чрезвычайно признательны.

Мне кажется, что наиболее перспективным было бы финансирование проектов, направленных на стимулирование преемственности поколений. **Во-первых**, следует поощрять не только студентов и аспирантов, но и их руководителей, особенно из российских регионов. **Во-вторых**, финансировать коллективные исследовательские гранты, в которых участвовали бы преподаватели, профессора со своими студентами и аспирантами и в рамках которых осуществлялась бы передача опыта.

В-третьих, поддерживать российских японистов не только стажировками в Японии (хотя это очень важное направление деятельности ЯФ), но и исследовательскими грантами, позволяющими работать здесь, в России.

Торопыгина М. В. (ИВАН, Москва):

Необходима более продуманная библиотечная программа. Существующая на сегодняшний день библиотека при Информационном центре Посольства Японии комплектуется совершенно случайным образом. Библиотека не укомплектована не только книгами на японском языке, но и русскоязычными книгами. Даже исследования российских японистов не представлены в полном объеме. Между тем нехватка книг — одна из основных трудностей современных исследователей. Нам очень нужны книги!

Мещеряков А. Н. (профессор РГГУ):

Действительно, в библиотеке при Посольстве Японии отсутствует система комплектования. Необходима более профессиональная комплектация, и это не требует больших денег.

Кожевников В. В. (Дальневосточный государственный университет, Владивосток):

Хотел бы добавить. **Первое**. Японский Фонд помогает Дальневосточному университету в закупке англоязычных книг по каталогу. Хотелось бы, чтобы у нас была возможность приобретать книги и на японском языке. **Второе**, было бы замечательно, если бы возобновились курсы лекций японских специалистов в региональных университетах.

Пестушко Ю. С. (Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаровск):

Мы признательны ЯФ за предоставляемую возможность выписки книг по каталогам. Хотелось бы, чтобы Японский Фонд рассмотрел возможность подавать заявку не только на отдельные издания, но и на комплекты учебников и научной литературы в соответствии с учебным курсом. Это позволило бы обеспечить учащихся необходимыми учебными материалами, не прибегая к тиражированию книг или их отдельных частей.

Иконникова Е. А. (Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск):

Поддерживаю предложение г. Кожевникова об организации лекций японских специалистов. Присылайте, пожалуйста, японских профессоров!

Казаков О. И. (помощник депутата Государственной Думы):

В ноябре 2001 года в перечень международных и иностранных организаций, предоставляющих гранты для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, и не подлежащих налогообложению, постановлением правительства Российской Федерации был включен Японский Фонд. Полагаю, что это означает признание положительных результатов деятельности Японского Фонда на территории России со стороны российских властей.

Предлагаю следующие меры для повышения эффективности работы Японского Фонда в России. **Во-первых**, в России до сих пор нет официального представительства ЯФ. Мы единственная страна «большой восьмерки», где нет представительства Японского Фонда. **Во-вторых**, стоило бы открыть русскоязычную страницу Японского Фонда с попунктным перечислением деятельности Фонда в России. Такая открытость, в частности, может оказаться полезной при взаимодействии с российскими властями. **В-третьих**, запустить программу «Уроки японского языка» на российском телевидении.

Молодякова Э. В. (Институт востоковедения РАН, заведующая Центром японских исследований):

Предлагаю, **во-первых**, издать на русском языке проект с университетом Хосэй о ситуации в российской японистике. **Во-вторых**, провести международную конференцию по дискуссионным вопросам японской истории.

Малинина Е. Е. (Новосибирский государственный университет):

Одна из основных проблем — затрудненность контактов между Новосибирским университетом и московскими преподавателями. У нас нет возможности пригласить преподавателей из Москвы с курсом лекций из-за финансовых трудностей.

Комацу Дзюнъэцу (Японский Фонд, Директор департамента японских исследований и интеллектуального обмена):

Выслушав Вас, я понял, что, несмотря на очень жесткую ситуацию, у российской японистики есть светлое будущее. Две недели назад я был в Америке, где проходил такой же симпозиум. Там такие же проблемы — нет притока молодежи в науку. Молодежь останавливается на ступени Ph. D. Думаю, преемственность поколений — самая важная проблема. В США эта проблема пока не решена. Японский Фонд и Посольство Японии готовы к сотрудничеству в этой важнейшей области.

Большое спасибо О. Казакову, зачитавшему приветствие из Государственной Думы. Сегодня у Японского Фонда 19 офисов во всем

мире. 20-й офис будет в Москве. Мы также по мере сил постараемся сделать русскоязычную страницу.

Что касается телеуроков японского языка, мы бы очень хотели. Давайте, Вы договоритесь с российским TV, а я обещаю договориться с NHK. Это действительно важное направление, main stream.

Мещеряков А. Н. (профессор РГГУ):

В ходе симпозиума моё мнение в целом не изменилось. Некоторые центры (прежде всего, Санкт-Петербург) теряют свои позиции. Некоторые новые или старые центры на подъеме, но этот подъем почти полностью обеспечен ростом числа изучающих японский язык. Притока молодых специалистов в японистику нет. Процесс упадка коснулся не только Санкт-Петербурга, но и Москвы. В Москве молодые исследователи приходят в японистику по большей части из ИСАА, несколько молодых исследователей из РГГУ, роль же остальных центров практически неощутима.

При растущем интересе к Японии этот интерес становится все более поверхностным. В том, что японистика не погибла, огромная заслуга Японского Фонда. Многие чувствовали на себе заботу ЯФ. В других областях востоковедения потери позиций еще более серьезны, чем в японистике. Я полагаю, самое важное направление — это поддержка тех исследователей, которые работают здесь, в России. Если думать об интересах специальности в целом, генеральная задача ЯФ — удержать людей здесь. Поэтому стратегическая работа ЯФ должна строиться на этом. Ведь имидж Японии формируют не только сами японцы, но и японисты. Чем их больше, тем лучше.

Комацу Дзюнъэцу (Японский Фонд, Директор департамента японских исследований и интеллектуального обмена):

Я очень доволен результатами симпозиума. Я позволю себе просто повторить итоги дискуссии. Господин В. Ю. Климов говорил о 300-лети японистики. Российская японистика — древнейшая в Европе и в мире. Выслушав Ваши доклады, я смог почувствовать атмосферу древнейшей в мире японистики.

Я очень рад, что здесь присутствуют молодые студенты. Это означает, что у российской японистики есть перспективы. И для этих подрастающих японистов необходимо создание специальных программ для развития и поддержки российской японистики.

Я согласен с мнением А. Н. Мещерякова — имидж Японии создают японисты. Поэтому очень важно не только осуществлять программы стажировок, но и программы поддержки ученых и исследователей здесь, в России. Я также хотел бы, чтобы подобные «слёты» проводились ежегодно.

**Современное
состояние и перспективы
русской японистики**

Симпозиум 2006

Подписано в печать 10.02.07. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Усл.-печ. л. 5,0. Тираж 200 экз. Заказ № 997

Издательство «Наталис»

119035, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2.

Телефон: (495) 637-34-38; e-mail: natalis_press@mail.ru.

Сайт в Интернете: www.natalis.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Правда Севера»,

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32

тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

www.ippps.ru e-mail: ippps@atnet.ru